

Ускопка

Ленинградская викторина

(Текст смотри на 59-й странице)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!

Год издания VII

№ 1

Январь 1963 г.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

В. Фетисов

ВЕСЁЛЫЙ ПРАЗДНИК

В нашей школе —
Новый год!
Топот! Грохот! Хоровод!
Море смеха!
Море света!
Полыхая пламенем,
По стене летит ракета
С Юрием Гагариным!
Вот —
Ракеты-карусели, —
Подходи, кому не лень!
Космонавты утром сели, —
На орбите целый день!
Завертелись!
Понеслись!
Эй, вниз! Поберегись!
Замелькали
Окна, стены,
Флаги, ленты,
Ёлка, сцена,
Курточки
Да кофточки,
Галстуки
Да звёздочки!
Выше, выше, пионеры
Не боятся высоты!
Разлетелись
По Вселенной
Пионерские мечты.
Вот бы в небо
Прокатиться!..
Вот бы нам
Луны достичь!..
И глядит
Не наглядится
Со стены
Родной Ильич!

Три рассказа о маленьких

Бабушка мне рассказывала, что разные чудеса бывают в ночь под Новый год. Я их ждала-ждала... А потом уснула. Так никаких чудес и не было. И ничего со мной не приключилось. До самого утра. А утром было вот что...

ВАРЕЖКИ

— Красненькие... Голубые... В клеточку... Три пары за зиму! — подсчитывает мама.

А на столе лежат зелёные, которые мне купила бабушка и которые я ещё не потеряла.

— Всё равно потеряешь! — говорит мама.

— Посеешь, — добавляет бабушка, — придётся сделать так. — Бабушка надевает на пёрсток, берёт длинную резинку и к её концам пришивает варежки. Они болтаются на резинке, как зелёные листики на коричневом стебельке. Потом бабушка берёт моё пальто и продевает резинку в рукава. Пустые варежки смешно торчат из рукавов: «Попробуй теперь потеряй!»

Чтобы слепить снежок, надо снять варежки. Я так и делаю: леплю, а потом швыряю. Рукам холодно. Скорее в варежки!

Но что это? Правой варежки нет. Она упрыгнула в рукав! Я вытягиваю её отту-

да — тяну изо всех сил. Вот она!

Но где левая варежка? Её нет — уползла в левый рукав!

Вытягиваю левую — убежала правая!

Тащу правую — исчезла левая!

Тяну левую...

Я стою, растопырив руки, как крылья. Я трясу ими, как воробей после купанья. Надо же вытряхнуть варежки из рукавов!

Но теперь нет ни правой, ни левой...

Приходится снять пальто. Резинка, оказывается, стала совсем малюсенькой, её концы подскочили друг к другу, — и варежки лежат рядышком около воротника. Надеваю левую варежку и влезаю в пальто. И вдруг — из рукава выползает вся резинка, с обеими варежками. Что поделаешь? Я надеваю их. Резинка теперь — между ними, снаружи. Она с силой притягивает одну руку к другой.

Я вся в снегу. Пока я возилась с варежками, об меня, наверное, двадцать снежков успело разбиться...

Не снимая варежек, леплю снежок. Широко размахиваюсь — и правой рукой кидаю его в Петьку. Ох! Правая варежка плотно прилипла к снежку, — резинка натянута

лась — сорвала варежку с левой руки — и вот они вместе летят за снежком! Обе варежки и резинка! Летят, летят!.. Прощайте, варежки!

Ну, конечно — прощайте! Петька и Витька мигом подхватывают по варежке и расходятся в разные стороны. Резинка тянется через весь двор. А они поют:

*«Не играем с Валенькой!
Валя вроде маленькой!
У разиньки Валюшки
На резинке варежки!»*

Я бегу домой.

— Где варежки? — спрашивает бабушка.

Я делаю вид, что удивляюсь:

— А правда, где они?

— Шла я сегодня по Невскому, — сердито говорит бабушка, — и вижу: мальчишки чьи-то варежки несут...

Так бабушка говорит всегда, когда я что-нибудь теряю. Вчера, например, мальчишки несли по Невскому

мои тапки, позавчера — зимнюю шапку, позавчера...

Я молчу. Бабушка и не знает, что угадала, что попала на этот раз в самую точку. Я молчу и жалею варежки. Мальчишки, наверное, бросили их где-нибудь в снегу. И теперь лежат они в каком-нибудь сугробе... Холодно ведь! А варежки такие тёплые, пушистые, зелёные, как листочки...

Скорей бы весна!

ГРАДУСНИК

Я смотрю на градусник.

Сейчас стрелка стоит на 15, и в комнате холодно. Выше на градуснике есть еще цифры 25, 30... Но до них стрелка что-то не доходит. Вечером, когда затопят печь, стрелка поднимается только до двадцати. В комнате тепло — стрелка лезет вверх. Стрелка лезет вверх — тепло.

А ну-ка попробуем! Я зажигаю спичку и подношу её к толстому серебряному шару внизу градусника.

Стрелка — вверх, вверх, вверх! 25! 27! 30! Ага, поднимается! Здо-о-о-рова! И

вдруг — дзинь! Градусник лопается. Во все стороны летят осколки. И ещё — какие-то блестящие зеркальные капельки. Я бросаюсь подбирать, но они — живые! Удирают под диван, под комод, — кто куда!

Надо как-то достать их оттуда! Я беру кочергу и начинаю шарить под диваном. Кочерга зацепляется за что-то, я тяну и вытягиваю какие-то пыльные клочья и ломаную пластинку. А те серебристые капельки так и остаются под диваном.

Что делать? Ну что же делать? Ведь если я даже соберу все капельки — градусник-то разбит, их некуда сложить!

Я сажусь на диван. Фу! В комнате теперь и вправду будто теплее. Прямо жарко стало!

Я долго сижу, уставившись на обломок пластинки. Когда-то это была моя любимая пластинка, «Полюшко-поле»... Пластинка!.. Недавно я видела, какой-то дяденька нёс целую авоську битых пластинок. Интересно, зачем они ему? Наверно, он их в утиль нёс. Утиль — это будка у нас на углу. Там берут всякие ненужные, ломаные вещи и дают деньги.

Ура! Всё ещё можно исправить до прихода мамы! Я собираю разные старые вещи и сдаю их в утиль! Там мне дадут денег, и я куплю точно такой же градусник. И мама ничего не заметит.

Так, пластинка... А ещё?

Я осматриваюсь. У нас дома, конечно же, найдётся ещё что-нибудь старое и ненужное... Надо поискать!

Шарю в ящиках, залезаю под кровать... Вот — часовая пружина! В ящичке — пять прошлогодних тетрадей... Посмотрю теперь в кухонном столике. Сковородка! Большая и ржавая. А в маминой тумбочке? Есть! Три пары совсем рваных чулок! Набирается, набирается! Мне даже становится веселее. Вещей много.

Ну что бы ещё добавить! Да вот же — мой старый пупс-негритёнок! У него нет одной ноги и во лбу дыра. Его зовут Колька. Мне его бабушка подарила, когда я была маленькой. Раньше он носил синий матросский костюмчик. А сейчас он совсем голенький. Сдать и его? Нет, жалко. Он ведь калека. А там его ещё больше изувечат, — я слышала, в утиле вещи переплавляют и делают что-нибудь новое... Жалко Кольку! Не понесу. И так вещей уже хватает: часовая пружина, чулки, сковородка, тетради, пластинка...

Пластинка? Ведь моя любимая! Там — вначале — так красиво было — лошади копытами цокали. Жалко. Пусть уж останется на память. И так много всего: часовая пружина, чулки, сковородка, тетради...

Тетради за прошлый год, для первого класса. В одной — три пятерки! Трудно их было получать, я тогда

старалась, по два раза каждое упражнение переписывала... Оставляю их лучше. Ещё ведь есть часовая пружина, чулки, сковородка... Хотя сковородка, может быть, и понадобится. В неё можно для Мурзика песок насыпать. Ладно, пусть будут пружина и чулки.

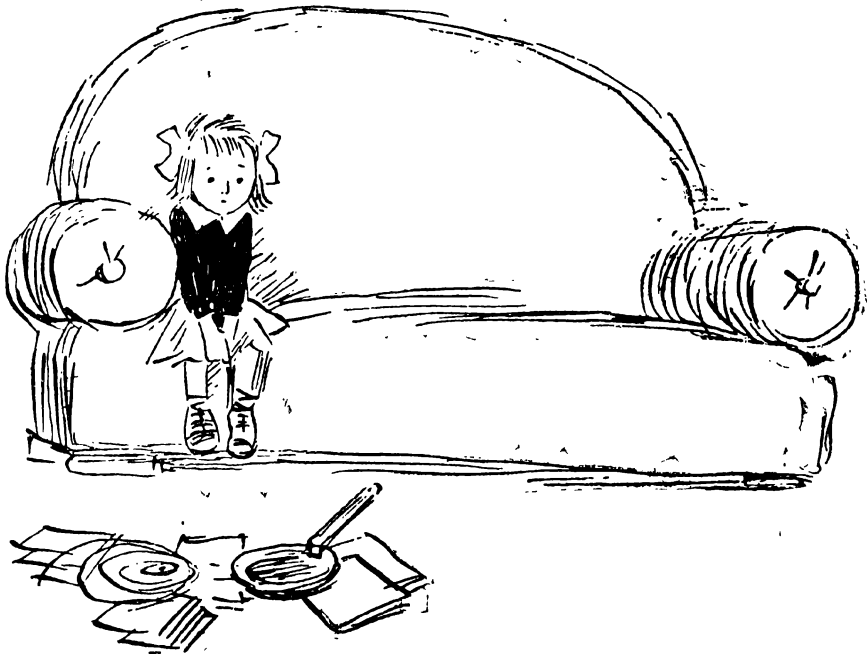
За чулки, правда, может попасть. Наверно, мама отложила их, чтобы заштопать... Лучше не трогать. Ну вот — остаётся только часовая пружина. Но за неё, наверно, больше всего денег дадут.

А вдруг наши часы поломаются? Как их тогда найти? Я смотрю на часы. Что такое?! Без четверти шесть? Поздно... Сейчас мама придёт... Уже не успеть в утиль! Что делать? Я бегаю по комнате, хватаюсь за то, за другое... Поздно... Ничего уже не придумаешь!

Ладно... Будь что будет! Чем скорей мама узнает, тем лучше. Надо идти встречать маму на угол.

Я часто встречаю маму после работы и всегда беру с собой саночки. И мама довозит меня до дому. Но сегодня я оставляю их в коридоре. А то вдруг мама подумает — разбила градусник и ещё хочет, чтобы её везли!

Я стою на углу. Идёт снег. Уже темно и холодно-холодно. Да ещё сейчас от мамы попадёт. Заплакать, что ли? Но почему-то не плачется. Чтобы больше разжалобиться, я начинаю вспоминать, как бегали по полу эти блестящие серебристые капельки. Они, кажется, называются «ртуть». Сейчас они, наверно, шмыгают, как мышки, по холодной комнате и плачут, кривят маленькие

ротики: «ртуууть, ртууууть»... Выгнали их из шарика, бездомные они теперь... У меня вот-вот навернутся слёзы...

— Ну, пришла?

Это мама. Надо сказать...

— А почему без саночек?

— Так...

Надо, надо сказать! Я зажмуриваюсь и...

— Мама, я градусник разбила...

И быстро-быстро:

— Только ты, пожалуйста, не очень сердись! Я денег накоплю и куплю точно, точно такой же! Честное слово! Я в магазине видела: прямо тю-телька в тю-тельку такой же! Куплю и повешу на прежнее место. И всё будет как раньше...

Вот сейчас — начнётся! Я снова зажмуриваюсь.

— Растяпа! — и впрямь начинает мама и вдруг весело говорит: — А впрочем, нам градусник теперь не нужен!

— Как не нужен?

— А так. Наш дом подключают к теплоцентрали. Скоро у нас будет тепло. И на градусник смотреть не обязательно. Ведь смотришь, когда холодно. А теперь теплынь у нас будет!

— Всё время двадцать градусов?

— Может, и двадцать пять!..

ДВЕНАДЦАТЫЙ ТРАМВАЙ

Пальто у меня смешное. Из трёх частей. Вельветовый коричневый верх, ватная под-

кладка и половина папиной шинели. В школе меня дразнят «слоёным пирожком». Зато тепло!

Но сейчас я мёрзну и в этом слоёном пальто. Уже целый час я стою на остановке и жду двенадцатого трамвая. А его всё нет и нет.

— Какой тебе трамвай, девочка? — спрашивают меня.

— Двенадцатый.

— Так двенадцатый здесь не ходит. Только восьмёрка.

И правда — за час прошло уже семь восьмёрок. Но я всё-таки жду. Раз здесь есть рельсы и ходят трамваи, должен прийти и двенадцатый когда-нибудь. Мне очень хочется попасть в ЦПКО.

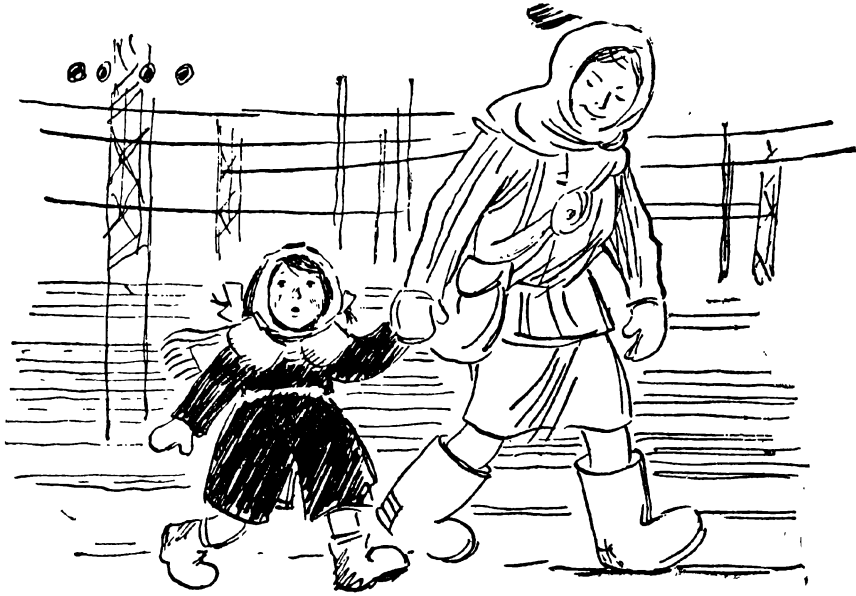
— А деньги на трамвай у тебя есть? — опять спрашивают меня.

— Нет.

— Нет? Вот чудачка! — пожимают плечами и отходят.

Деньги? Ну и что ж, что их нет! Зато у меня есть фантики. Пятьдесят штук! И двадцать серебряных бумажек... Самые красивые фантики — из-под «Мишки» и «Яблочка». Разве могут сравниться с ними какие-то деньги? Фантики в тысячу раз лучше. Попробуйте, собирайте пятьдесят штук! Конечно, за два-три фантика я доеду куда угодно.

Как холодно! Ноги у меня деревянные стали. Идёт трамвай... Опять восьмёрка! Была не была — сяду. Может, довезёт?

— Ну, плати.
— У меня денег нет...
— Бесплатно не везём.
— Зато у меня фантики...

Я вам целых десять...

— Да ты что, смеёшься?
А ну, вылезай! — (трамвай подходил уже к следующей остановке).

— Вылезай, вылезай... — Красные, как сосиски, пальцы — смешные у неё перчатки, без пальцев — берут меня за плечо и подталкивают к выходу.

Я снова стою на остановке и жду. Уже темнеет. Ну и мороз!

Домой? Нет, дождусь ещё одного...

Вот он выползает из-за поворота — жёлтый с красным, как голландский сыр. Ближе, ближе... И вдруг на его добром тупом носу я вижу большую цифру «12». Чудо! Двадцатый!

Вагон совсем пустой. Толь-

ко кондукторша. Она в больших валенках, платке и телогрейке. На телогрейке приколата белая бородатая собака из пластмассы. Кондукторша не замечает меня. Она читает письмо и улыбается. Край письма отогнулся — там какие-то большие буквы. Я с трудом читаю вверх ногами: «Привет из Крон-штад-та». Наконец, она взглядывает на меня:

— В парк вагон пойдёт.

— А мне и надо в парк!

— Плати.

— Знаете что, у меня денег нет. Но зато, — быстро говорю я, — фантики...

Я протягиваю ей самый красивый фантик — «Яблочко».

И она берёт!

— «Яблочко»? Ну, это слишком много! Держи сдачу.

И она вынимает из кармана бумажку. Вот это да! Фантик! На нём нарисована кра-

савица с веером и с ресницами. И написано «Чио-чиосан». Ни у кого во втором «а» такого нет!

Едем, едем, едем...

— Приехали! Парк.

Я выхожу. Какой же это парк? Там — я помню — река, мост и деревья. А здесь — большое белое поле и трамвайные рельсы. Они блестят, переплетаются и скрещаются. Просто паутина! Вдали — длинный кирпичный дом с узкими высокими воротами. Ворот много, штук десять. В них, как в стойла, заползают трамваи. Вот и наш подошёл к своему стойлу. Кондукторша соскакивает с подножки.

— Но ведь это не ЦПКО! Не парк!

Она смеётся:

— Так тебе в ЦПКО надо было? Это же трамвайный парк! Наша бригада сейчас сменяется...

— Как же я теперь домой?

— А где живёшь?

— Угол Малого...

— Ничего, пойдём... — И я иду за ней к дому, где живут трамваи. Мы в маленькой белой комнатке. Здесь стоит стол, горшок с пальмой и белый пузатый бак с кружкой на цепочке.

— Садись, есть будем.

Она достаёт булку, заплетённую как косичка, и розовую колбасу. Наливает кипятку из бака.

— Ешь!

С куском булки я сажусь между баком и доской, на которой написано: «График». От бака идёт тепло. Глаза слипаются.

— А что тебе в ЦПКО понадобилось?

Как сквозь ватное одеяло, я отвечаю:

— Интересно, как там сейчас... Летом хорошо было! И в одном пруду — прямо в воде! — там стоит белая девушка. Из камня. И лютики... много-много. Жёлтые.

— А-а, — едва доносится до меня. — Так то ж куриная слепота. Ядовитая. От неё куры слепнут...

Совсем уже смутно я слышу шум, громкие голоса.

— Здорово, Галка!

— А, Ленка пришла, смена пришла! Послушай-ка, Лена! Вот...

Больше я ничего не слышу. Просыпаюсь я от толчка. Надо мной наклоняется незнакомое курносое лицо.

— Тебе на следующей выходить!

Я опять в трамвае! За окнами совсем темно. Трамвай торопится, дребезжит, позванивает. Лиловые искры падают откуда-то с трамвайной крыши, пролетают мимо окна.

— Не спи! Сейчас приедешь!

Двенадцатый трамвай везёт меня домой.

Три стихотворения о взрослых

Беспокойный сосед

Жил у нас за стеной
Беспокойный сосед.
До утра не гасил
Электрический свет.
Всё по комнате гулкой
Ходил и ходил
И одну за другой
Папиросы курил.
Называли соседа
У нас чудачком
И шутили над ним
И смеялись тайком:
— Не от мира сего,
Он какой-то чудной:
Хоть разок бы устроил
Себе выходной!
Но сосед всё ходил,
Бормотал и курил,
На бумаге какие-то
Схемы чертил.
Он друзей приглашал —
И гудел коридор:
О сверхмощных печам
Шёл взволнованный спор.
То шумят, то поют,
Растревожив весь дом!..

Все терпели такого
Соседа с трудом.
Были рады жильцы,
Услышав его бас:
— До свидания!
Еду
Работать в Донбасс.
До свидания!
Еду
К сверхмощным печам,
О которых не раз я
Мечтал по ночам.
До свиданья!
Не помните лиха,
Друзья! —
И ушёл,
По перилам
Ладонью скользя.

...В комнатухе его
Поселился другой.
Гасит вовремя свет
У себя за стеной.
Аккуратный —
В одиннадцать
Ляжет в кровать,
И ни звука уже
За стеной не слышать.
Ни о чём не поспорит
Ни с кем ни за что,
И шумливый к нему
Не приходит никто.

Разобраться —
 Так он
 Человек ничего...
 Но у нас почему-то
 Не любят его.
 Может, в этом повинен
 Газетный портрет,
 На котором смеётся
 Наш бывший сосед?
 Он стоит у печи
 Весь в зарницах огня
 И с улыбкой задорной
 Глядит на меня.
 Словно хочет спросить:
 «Как делишки у вас?
 Поспокойней, наверное,
 Стало сейчас?»

Приколол на стене я
 Газетный портрет...
 Был хорошим соседом
 Наш бывший сосед!
 Пусть вернётся он к нам,

Рис. П. Вискова

Пусть не спит он ночей, —
 Стало скучно у нас
 Без сверхмощных печей!

Баллада о каменном докторе

Посвящается памяти А. В. Вишневого

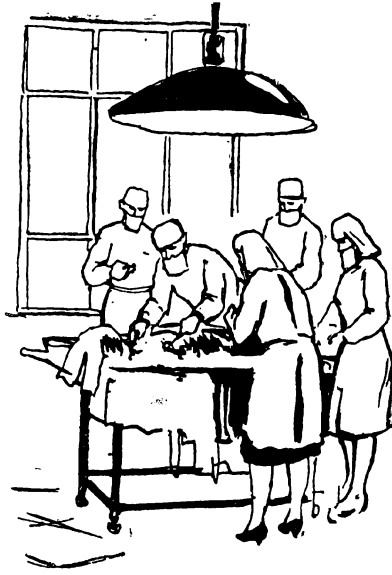
В каменном кресле,
 Хмур и сердит,
 Каменный доктор
 В раздумье сидит.
 Доктор, который
 Похож на бойца.
 Доктор, лечивший
 Ребятъи сердца.

Камень — ботинки.
 Камень — халат.
 Каменный профиль.
 Каменный взгляд.
 Доктор трудился —
 И славно живут
 Дети, что стали
 Здоровыми тут.

В каменном кресле
 Доктор сидит...
 Что же он хмурится,
 Что ж он сердит?
 Слышит профессор
 В больничной тиши:
 Снова его
 Зовут малыши.
 Крыльями машет
 Осенняя ночь:
 — Доктор, неужто
 Нельзя им помочь?
 Дети зовут вас!
 А время не ждёт! —
 Каменный доктор
 С кресла встаёт!
 Тяжко о плиты
 Стучат башмаки.
 Трудно разжать ему
 Пальцы руки.
 Руки помыть —
 Это прежде всего.
 Вот оно — старое
 Место его.
 Каменным голосом
 Шепчет:
 — Пора,
 Дайте мне маску
 И скальпель, сестра!
 Словно минута,
 Проходят часы.
 Доктор под утро
 Смеётся в усы:
 — Снова прогнали

Рис. В. Адаева

Старуху с косою! —
 Доктор уходит
 Тропинкой косою.
 Удобней садится
 На каменный стул.
 Веки закрыты,
 Доктор уснул.
 Цветы не кладите
 На пьедестал:
 Каменный доктор
 Сегодня устал...

Поль Робсон в Артеке

Однажды в июле приехал в Артек
 Повсюду известный у нас человек.

Он шёл, улыбался, глазами блестел,
 На всё по-хозяйски повсюду глядел.

— Ну, как мои внуки в Артеке живут? —
 И басом себе отвечал: — Вери гуд!

Когда же под вечер утихла жара,
 Он песню ребятам запел у костра.

Слова этой песни понятны не всем,
 Но каждый увидел Нью-Йорк и Гарлем.

...Всё плакала песня. Шагали по ней
Десятки худых босоногих детей.

Для белых — богатых — дворцы и кино.
Для чёрных — для бедных — лишь горе одно.

Для белых — богатых — сады и поля.
Для чёрных — для бедных — лишь кнут да петля...

Но вдруг тетивой натянулась струна,
И в песне особая нота слышна.

Она нарастала, как в мае гроза,
И гневом она наполняла глаза.

И вот ни мелодии нет и ни слов —
Лишь звон от упавших на землю оков...

И дети воскликнули: — Дедушка Поль,
Ещё нам, ещё нам, пожалуйста, пой!

...Костёр догорел. Разошлась детвора.
Но негру в ту ночь не спалось до утра.

Покинул на зорьке
Поль Робсон Артек,

Но песню свою в нём
Оставил навек,

Чтоб всем угнетателям
В мире на страх

Жила она в детских
Свободных сердцах!

Рис. А. Крутиова

РЕДКАЯ ВАЗА

В один из тёплых сентябрьских дней мы с Алёшей и Павликом поехали в Петродворец. Вышли в Стрельне и пешком решили пройти до Петродворца по паркам, которые протянулись вдоль залива. Потом мы свернули с дороги и по узкой, осыпанной листьями тропинке забрели в глубь густого парка. Стояла удивительная тишина. Слышно было только, как падают листья. И вдруг перед глазами открылась площадка, где среди оранжевых и красных клёнов неожиданно выделялись свежей зеленью высокие пушистые лиственницы. За ними возвышался великолепный дворец с зубчатыми башенками и колоннами. Лиственницы охраняли парадный вход, к которому вели широкие каменные ступени, заросшие травой и мхом. Мы замерли в недоумении и удивлении. Дворец

казался декорацией к сказочному спектаклю. Сходство усиливалось ещё тем, что за стенами его была пустота. Внутри были только груды кирпича и щебня. Холодной сыростью веяло из пустых тёмных подвалов. На полуразрушенной лестнице каким-то чудом цепко прилепилась маленькая берёзка и раскачивалась на ветру. Ребята полезли вверх по ступеням. С высоты открывался прекрасный вид на залив, а вокруг горели на солнце кленовые парки.

Белёные стены дворца сохранили ещё кое-где затейливый орнамент, цветные гирлянды, мозаику, позолоту. Мальчишки с восхищением разглядывали дворец. Когда-то здесь наверное было очень красиво. На одной из стен мы увидели написанные углём крупными буквами слова: «Дорогие друзья-краснозорь-

цы! Где вы теперь? Враг разрушил наш прекрасный дворец, где столько прошло замечательных дней, где пролетела наша юность. Откликнитесь, если вы будете на этих дорогах руинах.

Выпуск 1925 года».

Дальше шли подписи и адреса.

Мы начали внимательно осматривать стены и убедились, что перед нами переписка, в которой участвовало много людей, связанных какими-то общими воспоминаниями. Были даже стихи, посвящённые этому таинственному дворцу. Кто авторы этих строк? Что это был за дворец? Почему так дорого им это место, раз они приезжают сюда?.. Мы начали спорить об этом, фантазировать, выдвигая разные предположения. Облазали весь дворец и представляли, как здесь когда-то кипела жизнь, звучали весёлые голоса. Списали некоторые фамилии и решили обязательно разыскать авторов стеновых надписей.

Домой возвращались поздно вечером. В электричке продолжали споры. Больше всего мои ребята удивлялись, почему до сих пор не восстановлен такой красивый дворец. Мы спорили громко и не заметили, что к нашему разговору прислушивается пожилой мужчина, сидевший напротив. Вначале он читал какую-то толстую книгу, но вдруг кашлянул, вступая в разговор:

— Надо полагать, восстанавливают дворец, — сказал он. —

Народ красоту любит. Хотите я вам расскажу, как эту самую красоту берегли солдаты в войну?!

Ребята закричали: «Хотим, хотим!» — и пересели к нему на скамейку, чтобы лучше слышать.

— Ну, если до Ленинграда успею, то расскажу.

Есть у меня один товарищ. Когда-то мы воевали с ним под Ленинградом. Фамилия у него была смешная — Тюльков. И она удивительно не соответствовала его виду. С такой фамилией представляешь себе человека спокойного, весёлого, даже толстого и обязательно добродушного. А Тюльков был длинный, нескладный и такой худой и костлявый, что в роте его прозвали «Лыжа». Из-за этой невероятной худобы над Тюльковым часто подшучивали. Кто-нибудь из бойцов обязательно говорил, глядя на него:

— Вот ведь у всех людей телосложение, а у нашего Тюлькова — теловычитание.

В сырую погоду, когда не разжечь было костёр, кто-нибудь предлагал: Тюлькова пусть на растопку вместо щепы! Тюльков всё это выслушивал молча и только иногда произносил: «Твоим языком, парень, только марки приклеивать». Но никогда не обижался. И считался у нас в роте человеком скучным и негеройским.

Наш батальон располагался в Нижнем петергофском парке. Окопы вырыты были под столетними могучими деревья-

ми среди безмолвных разбитых фонтанов, почти у самого берега.

Когда смолкала перестрелка, слышно было, как шуршат волны залива о песок, ветер доносил до нас запах мокрого тростника, пахнущего почему-то свежими огурцами. Ветер срывал со старых клёнов мокрые листья. Они прилипали к лицу, словно кто-то холодной ладонью дотрагивался до кожи и шупал лоб и щёки — нет ли жара.

Кроме Тюлькова и ещё двух-трёх человек, почти все в нашей роте были ленинградцы. Иногда нам казалось невероятным, что война идёт в парке, где каждый из нас бывал ещё совсем недавно. Здесь всегда было празднично. Играла музыка, нарядные люди смеялись, фотографировались у знаменитого Самсона. Он сверкал на солнце позолотой, и мощная водяная струя била ввысь на 20 метров. Весной мы приезжали в Петергоф за черёмухой. Возвращались в переполненной электричке с огромными букетами, сорили на пол белыми лепестками, и проводницы ворчали и сердились, выметая лепестки из-под скамеек. Тогда мы им дарили на прощанье по букету, и они сменяли гнев на милость.

А теперь в этих же аллеях мы ползаем на животе. Не можем встать во весь рост. Фонтаны называются просто огневыми точками. Снаряды срезают вековые деревья, и ветви их долго и укоризненно шумят на ветру.

Немецкие миномёты прижали нас к земле — не поднять головы. В окопах воды по колено. А дождь льёт день и ночь, словно решено было в небесной канцелярии вылить на нас всю воду, положенную на весь ленинградский год.

Нужно было засечь эти проклятые миномёты. В разведку пошли вдвоём. Я и Тюльков. Я за старшего. Долго ползли по мокрой траве, то и дело припадая к земле и зарываясь лицом в прелые скользкие листья.

Наконец доползли до бетонной чаши разрушенного фонтана, укрылись за ней, тесно привалившись друг к другу. От мокрых, задубевших шинелей курился кислый парок, от которого нестерпимо першило в горле.

Немцы то и дело постреливали из ракетниц, вывешивая над парком яркие фонари. Ракеты подолгу шипели в небе, разбрызгивая холодный голубоватый свет. Когда ракеты гасли, мы поднимали головы над каменной чашей, силясь засечь миномёты по вспышкам.

Но, как назло, миномёты замолкли. Стало тихо. Даже дождь как будто утих. На посветлевшем небе перед нами чётко обозначились силуэты деревьев, изувеченных фонтанов, а чуть правее — строгие очертания четырёх совершенно одинаковых ваз на высоких подставках. Поверхность их отсвечивала издали мокрым глянцем. Тюльков лежал и молчал, рассматривая эти вазы. А я злился, что прекратился

огонь и мы не успеем выполнить задание. Но вот снова начался дождь и снова застучали фашистские миномёты. Мины ложились совсем близко, но мы были надёжно укрыты каменной чашей фонтана. Вазы уже мало интересовали нас, мы следили за вспышками немецких миномётов.

Вдруг одна ваза покачнулась и, вздрогнув, обрушилась с пьедестала. Тюльков обернулся и тихо выругался. Прошло ещё полчаса. Осколком срезало с дуба тяжёлую ветку и она, падая, задела вторую вазу. Осталось всего две. И тут Тюльков спросил меня:

— Какого они цвета? Из чего сделаны?

Я старался припомнить. Ведь до войны я часто бывал здесь. Но в голову почему-то лезли разные глупости. В памяти возникла толстая мороженщица, которая ловко накладывала лопаточкой мороженое и подавала в двух круглых вафлях. На вафлях были выдавлены разные имена — мужские и женские. Мне почему-то попала на обеих сторонах «Нина». Я всё просил мороженщицу поискать вафлю с именем «Саша» — так меня звали. Я съел тогда много порций, пока зубы не заломило. Но попадались то «Оли», то «Мани».

А вот вспомнить, что это были за вазы, я никак не мог, хотя считал, что хорошо знаю парк. Тюльков, не мигая, смотрел и смотрел на вазы. И вдруг зашептал мне прямо в ухо

— Товарищ старший сержант, надо бы их снять! Разобьют, гады. Последние ведь остались. Разрешите...

Мне было не до того. Ночь шла к концу. Я фиксировал расположение миномётов и покомандирски сухо ответил:

— Отставить разговоры, Тюльков! Люди гибнут, а ты тут о вазах...

Тюльков замолчал, но я чувствовал, что глаза его устремлены на оставшиеся вазы и он словно ждёт чего-то. А миномёты, будто специально расстреливали эти вазы. Когда рухнула с пьедестала и развалилась третья ваза, Тюльков рванулся вперёд.

— Назад! — закричал я. — Назад, Тюльков!

Но он полз под миномётным огнём к последней вазе. Я видел, как он поднялся в рост, чтобы снять её с цоколя, и вдруг взмахнул руками и, переломившись пополам, повалился на землю. Я выскользнул из укрытия, подполз к Тюлькову:

— Жив?

— Сними её! Сними... Разобьют!

Повинуясь, я вскочил, рывком сдёрнул с цоколя последнюю вазу и повалился вместе с ней в прелые листья. Ваза была скользкая и мокрая. Тюльков подполз ко мне, и мы вместе оттащили её под дерево.

Только теперь накинулся я на Тюлькова:

— Ты что, спятил!..

Он не ответил. Скорчившись, он ощупывал левый

сапог, из которого хлестала кровь. Я перетянул ему кое-как ногу бинтом из пакета и, взвалив на спину, пополз в расположение роты. Полз и проклинал немцев, вазу, Тюлькова, а главное — себя.

Командир, называется! Из-за дурацкого каменного горшка чуть не потерял бойца... И неизвестно, как мы ещё доберёмся под таким огнём. А Тюльков шепчет:

— Сняли всё-таки... После

войны новые сделают по этому образцу. Ещё лучше можно сделать. У нас на Урале камень есть подходящий — орлец. Яшма на худой конец годится, или мрамор...

Я посоветовал Тюлькову помалкивать, не вспоминать об этой проклятой вазе. Из-за неё я не знаю, как перед командиром ответ держать. Из-за неё под трибунал меня отдать надо за бесхарактерность.

Тюльков, спасибо, не выдал. И только когда его отправляли в медсанбат, он подозвал меня и сказал как-то виновато:

— Нужно бы зарыть её, товарищ старший сержант. Изавернуть во что-нибудь...

— Зароем, не беспокойся, — ответил я. — Твоё дело теперь кости свои сращивать, а не про вазу думать...

Пообещал ему сгоряча, а про себя подумал: «Пропади она пропадом, эта ваза!»

Но следующей ночью я всё-таки пошёл к ней, будь она неладна! Да ещё захватил суконную дворцовую портьеру. «Человек, — думаю, — жизнью жертвовал ради этой штуки, без ноги, может, останется, а я дело до конца не довёл. Обещал всё-таки...» Так я успокаивал себя, а сам полз к тому месту, где мы оставили вазу. Она лежала в укрытии — целая, невредимая. Я быстро достал тесак. Мягкая мокрая земля легко поддавалась. Через час я вырыл довольно глубокую яму, расстелил в ней портьеру. Потом тихонько скатил в неё вазу,

укрыл и засыпал землёй. «Может, и прав Тюльков, — подумалось мне. — Понадобится когда-нибудь она людям». Оглянувшись, я запомнил на всякий случай место. Ориентирами были залив, разбитый фонтан и большой дуб.

Тюлькову я написал в госпиталь письмо и даже план нарисовал, где обозначил место, чтобы он уж окончательно не сомневался.

А вскоре я и сам в госпиталь попал. А потом пошло меня швырять по фронтам. И про вазу я, честно говоря, совсем забыл...

...И вот ко мне Тюльков припожаловал — как с неба свалился. Такой же худой. Изменился мало. Только когда шагнул он ко мне, я увидел, что он сильно припадает на левую ногу. И тут меня словно по голове ударило. Я вспомнил и ту ночь, и ту вазу, из-за которой Тюльков ногу повредил.

Он тоже, чувствую, о чём-то всё хочет меня спросить. Только едва присели за стол, лишь успели выяснить, где кто теперь работает, как Тюльков вдруг вынул из кармана потёртый листок, подклеенный на сгибах. Я сразу вспомнил, ведь это же тот самый план, что я ему послал в письме!

— Узнаёте, товарищ старший сержант?

— Ну, конечно, узнаю, Тюльков.

Глаза его радостно посветлели. Видно, он дошёл до самого интересного, ради чего и разыскивал меня в Ленинграде.

— Ну как, всё восстановили? Пригодилась наша ваза? Я в газетах читал, что Самсона нового отлили. И всё думал, как там наша ваза, стоит ли она снова на берегу? Я ведь тогда и не разглядел её толком. Всё собирался приехать в Ленинград, да работа такая, никак не вырваться в отпуск летом. Я ведь строитель — у нас летом самый сезон. А вот нынче собрался всё-таки, не пропадут там без меня...

Мне было стыдно признаться Тюлькову, что я забыл о вазе. Но пришлось сказать. Я сразу же его заверил:

— Завтра поедem в Петергоф с утра.

Тюльков удивлённо посмотрел на меня, но ничего не сказал.

Пока мы ехали в электричке, Тюльков с жадностью вглядывался в новые дома. И всё кивал головой с одобрением. Мы с трудом узнавали места, где воевали. С конца войны уже прошло много лет. В Нижнем парке среди вековых великанов поднялись уже новые деревья. Играла музыка, сверкали и пенились фонтаны. Не верилось, что здесь когда-то могли быть окопы и свистели и выли мины. Мы вышли к берегу залива. Вдали был ясно виден Кронштадт. Купол собора блестел на солнце, как шлем сказочного богатыря. На взморье белели треугольники яхт. Я стал искать тот большой дуб. Но парк очень пострадал от артиллерийских обстрелов и найти тот большой дуб оказалось делом

непростым. В каком месте зарыта ваза? Да и цела ли она? Но мы решили всё-таки попробовать. Не зря ведь лопаты прихватили.

Получив разрешение, мы приступили к поискам. Нарядные отдыхающие с удивлением смотрели, как мы ковырялись около старых потемневших пней. Выкапывали кирпичи, обломки мрамора, как-то даже вывернули зазубренный осколок снаряда. Мы ворошили остатки войны, которые люди тщательно засыпали землёй и засеяли травой. Но вазы не было.

Возвращались в Ленинград ни с чем. Молча курили в тамбуре. Тюльков смотрел задумавшись в окно, устало опираясь на лопату, обёрнутую мешковиной. Я казнил себя. Ведь если бы я сразу после войны приехал в парк, вазу бы нетрудно было найти. А теперь всё изменилось, попробуй, найди!

Тюльков ездил в парк каждый день. Отпуск его подходил к концу. А мой отпуск только начинался. Я отправил жену и сына на Украину, а сам на неделю остался с Тюльковым.

Мы перекопали землю около каждого большого дерева. Я уже начал сомневаться, что мы правильно определили место. Тюльков копал с отчаянием. Он, казалось, был готов взрыть весь парк. Вечером мы приезжали домой усталые. Молча ели, ставили в ванной комнате лопаты и ложились спать.

Пришло время идти в городскую кассу за билетами. Тюлькову на Урал, а мне на Украину. В день отъезда я утешал его как мог. Рассказал историю пропавшей янтарной комнаты из Екатерининского дворца в Пушкине. О том, что поиски продолжаются. Может быть, и от нашей вазы остались какие-нибудь рисунки, надо куда-нибудь обратиться только. Тюльков поддакивал мне, но я видел, что он не очень-то мне верит.

Я проводил Тюлькова на вокзал. Обнялись у вагона. «Ну прощай, неудачные мы оказались кладоискатели!» Тюльков пожал мне крепко руку: «Ну что ж, может, увидимся ещё лет через пятнадцать! Пиши, что ли. Правда, адреса у меня постоянного нет. Со стройки на стройку кочую. Ну, захочешь, найдёшь, я ведь не ваза!» Он улыбнулся и свесился через плечо проводницы. Его длинная фигура переломилась под углом. Он махал мне долго. У меня в горле словно пером пощекотали. Перед глазами всё стояли грустные глаза Тюлькова. Приехал домой, взял чемодан, начал собираться в дорогу.

Отпуск был мне не отпуск. Я всё думал об этой вазе. Решил её разыскать во что бы то ни стало. Хоть узнать, какая она была. Книжки читал по искусству. О древних кувшинах, вазах, об античных амфорах, узнал, что ещё сейчас вылавливают их через тысячи лет со дна морей. Так неужели не найти вазу, за которую Тюль-

ков жизнью жертвовал, чтобы люди могли насладиться её красотой? В Эрмитаже пошёл в те отделы, где раньше не задерживался. Долго в пустынном темноватом зале разглядывал вазы красные с чёрным, большие и маленькие, малахитовые, мраморные -- и всё хотел представить себе, какая же была та, которую ночью мы спасли и закопали в землю...

Однажды уже поздней осенью пришла открытка. Меня вызвали в какое-то учреждение по охране памятников архитектуры. Я явился в указанную комнату. Там седой старичок порылся в папке и вручил мне благодарность и квитанцию на получение денежной премии. Я ничего не понимал: за что благодарность, какая премия? Это какая-то ошибка! Старичок мне объяснил, что благодаря моей записке и приложенному плану удалось найти очень редкую вазу, изготовленную русскими мастерами в прошлом веке на петергофской гранильной фабрике. Ваза хорошо сохранилась, потому что была завернута в истлевшую портьеру. Теперь по этой вазе делают образцы и скоро они снова будут установлены в парке.

Пока он объяснял, в комнате появились какие-то люди, они улыбались, пожимали мне руку и говорили много хороших слов. Я, наконец, прервал старичка и пытался объяснить, что это ошибка. Что вазу сберег Тюльков. Это он всё сделал! Но мне сказали, что фамилия и адрес были оставлены

мой и сказано, что за всеми справками обращаться ко мне. И деньги тоже я должен получить, потому что заслужил их, так как спас ценное произведение искусства. И что только настоящий человек мог думать во время войны о мирном времени. И что, конечно, не каждый так бы мог поступить.

Я с тоской подумал, что у меня нет даже адреса Тюлькова. Ну, потом я, конечно, его разыскал...

— Вот какие бывают истории, — вздохнул рассказчик. — Восстановят и ваш дворец. А людей этих непременно разыщите, узнайте у них: чем им так дорого это место в Стрельне?

Мы обещали завтра же начать поиски. Попрощались уже на перроне Ленинграда. Когда наш новый знакомый скрылся в толпе, вдруг Алёша опомнился. А ведь фамилию его забыли спросить! Он кинулся вслед, но так и не нашёл нашего попутчика.

Около дома,
на снежной горюшке—
санки, игрушки,
детишки, старушки.

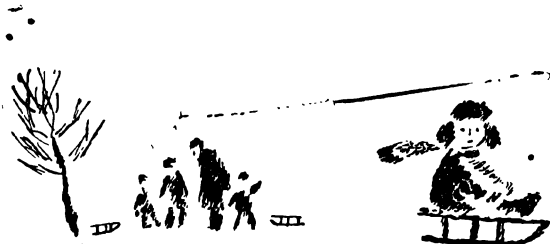
Санки детишек
катают с горюшки,
в санках детишки
катают игрушки,

в санках детишек
катают детишки,
в санках детишек
катают старушки,
в санках старушки
катают игрушки

около дома
на снежной горюшке.

Стихи и рисунки В. ГУСЕВА

Взрывы

НА УРОКАХ
(новелла)

РОДЖЕР БЭКОН

ГЛЕБ делал зарядку, и мамины букеты на окнах быстро осыпались от его прыжков и стояли голые. На кухне брат Сенька уже сидел за столом и ел пельмени. Он был маленький, рот его открывался на одном уровне со скатертью, и можно было играть в интересный хоккей — гонять пельмени вилкой по тарелке и забрасывать их в рот, как шайбу. У него это здорово получалось.

— Перестань, — сказал Глеб. — Ешь как следует.

— Игра в одни ворота, — прошамкал Сенька.

— Это вчера вы так играли — и вправду в одни ворота. Продули с позорным счётом.

— А ты видел?

— Видел.

— Ничего ты не видел. Ты не мог — тебя Сергияковлич задавил. Видно, мало он тебя задавил.

— Эх ты, — сказал Глеб, — тебе врут, а ты веришь. Это я сам бежал и случайно стукнулся — о заднее крыло, а он в это время поехал. Я сам стукнулся и упал, а все теперь говорят, будто задавили.

— Сеня, — позвала из комнаты мама. — Ты когда сегодня вернёшься?

— Поздно, — ответил Сенька. — Я на кружок.

— Ты ведь вчера ходил.

— Вчера в авиамодельный, а сегодня в переплётный. Столько, оказывается, кружков — чему хочешь можно научиться. Я теперь каждый день буду ходить, можно, мама?

— Ну конечно, — сказала мама. — Только не перепутай

всё. Когда ходишь в разные кружки, легко всё перепутать, — сделать, например, самолёт в переплёте, ведь смешно.

— Да, — согласился Сенька. — Пожалуй, это смешно. Надо будет попробовать.

— **ТАК**, значит, тебя не задавили, — сказал Толян, садясь за парту.

— Нет, — ответил Глеб. — Ты что читаешь?

— Про микроскоп. Как его открыл один, а никто не оценил. Дураки немытые.

— Дашь почитать? Мне тоже интересно про микроскоп. Я давно думаю — может микроб разглядеть молекулу или нет. Тут не написано?

— Не знаю, я ещё не дошёл. Наверно, может — иначе, как бы он по ним ходил, не глядя. Ему же там больше не по чему ходить. Он, наверное, так с молекулы на молекулу и переступает.

— А я тебе тоже чего-нибудь дам, — сказал Глеб. — «Задущены бездной» хочешь?

— Конечно, хочу, — ответил Толян, и они пошли к своей парте, потому что уже был звонок.

ПЕРЕД историей доску завесили разноцветными картами с синими и красными стрелами походов навстречу друг другу — «иду на вы».

— Ребята, — сказала Татьяна Васильевна. — С сегодняшнего дня уроки у вас поведёт Дина Борисовна. Она учится в институте и тоже скоро будет

преподавателем истории в школах. Да...

Видно было, что ей хотелось ещё что-то сказать, но она передумала и ушла на последнюю парту.

— Практикантка, — прошептала сзади Сумкина. — Будет на нас тренироваться, словно мы какие-то подопытные кролики.

— Это мы кролики, — сказал Толян, — а ты не можешь. Ты морская свинка.

Дина Борисовна вышла к доске, и стало тихо. Что-то в ней было удивительно всем знакомое и очень историческое, будто виденное в иллюстрациях к «Трёх мушкетёрам» на пятой полке школьной библиотеки. Во всём чёрном, с большим белым воротником и волосами до плеч, она сама была похожа на мушкетёра, только гораздо красивее, и с указкой вместо шпаги.

— Садитесь, — сказала она и быстро прошла по проходу. Ей вслед кто-то шепнул, где-то хлопнула крышка парты, две ручки и учебник упали на пол.

— Итак, на сегодня вам было задано... Что же вам было задано?

— Турки-османы, — прошептал Дергачёв.

— Османская империя, — сказала Дина Борисовна, словно припоминая что-то для себя. — Но ведь это страшно интересно. В этой империи была масса интересных вещей, не правда ли... — она заглянула в журнал и прочла первую

по списку фамилию, — Басманцев.

— Да, было там дело, — растерянно сказал Федя Басманцев. — Много чего было.

— Вот и расскажи нам.

— А какой параграф?

— Ну, всё равно. Расскажи, что тебе самому интереснее.

— Нет, я уж лучше, что вам...

— Тогда расскажи о царстве Тимура. Я думаю, всем это будет интересно.

— Тимур, — начал Басманцев, — Тимур...

— И его команда, — сказал кто-то в классе.

— Да нет, — с досадой отмахнулся Басманцев. — Это не тот. Тимур был великий полководец. Он хромал... в четырнадцатом веке. Его войско покорило много стран и городов... Иран, Сирию, Турцию и город Елец. Столицей его царства был Самарканд.

— Да-да, — сказала Дина Борисовна, — я тоже об этом читала. Нам рассказывали, что он был очень ловкий и коварный полководец.

— Хитрущий, — сказал Басманцев. — Я читал книгу, называется «Тамерлан», так там описан один случай... — И он, торопясь, начал рассказывать этот случай, а за ним и другие — всё, что он прочёл в книге о Тимуре. Раньше никто бы не поверил, что Федя Басманцев знает и может понятно рассказать столько замечательных историй о каком-то хромом полководце из далёкого четырнадцатого века. Дина Борисовна слуша-

ла его так, будто всё это было ей раньше совершенно неизвестно, и часто переспрашивала, особенно в том месте, где Басманцев рассказывал, что вот жили в городах люди, строили красивые дома, делали ковры, книги, вазы, и вдруг по жёлтой пустыне налетела конница сельджуков и всё уничтожала на своём пути, а зачем — непонятно. Она очень увлеклась и не заметила, что Татьяна Васильевна поднимает руку и показывает ей на часы. А когда заметила, было уже поздно — половина урока прошла.

— Ой, — воскликнула она. — Хватит, Басманцев, хватит. Садись, отлично. Мы переходим к следующей теме: «Школа, наука и искусство в XII и XIII веках».

Она сняла часы с руки и положила их перед собой.

— Вы все, конечно, знаете, что образование не всегда было обязательным делом. Но вы и представить себе не можете, как мало грамотных людей было в начале нашего тысячелетия. Многие императоры и князья даже не умели писать и читать, а своих воинов считали на палочках, как первоклассники. Всё непонятное, что встречалось людям в жизни, они сваливали на бога и чудеса. А как же иначе? Ведь это очень страшно, когда что-нибудь непонятно, — ужасно хочется понять, я это знаю по себе.

Видно было, что она очень переживает за тех древних людей, будто ей самой приходи-

лось жить с ними и разделять их невежество — бояться грома, падающих звёзд, чёрных кошек, колдовства, извержений вулканов и других явлений природы. Она ходила рядом с партами, изредка оставалась, поправляя указкой свою мушкетёрскую причёску. И Глеб почувствовал, что он сам тоже начинает волноваться и представлять себе тех неизвестных людей, которые жили до него на свете, беспокоились о своих друзьях, путешествовали, воевали и, наверно, даже не думали, что когда-то будет жить он, Глеб Зенуков, ученик 6-б класса. Он попробовал вообразить всё множество живущих сейчас на земле людей и тех, которые ещё будут жить, но испугался непривычной огромности таких мыслей и отчаянно замолтал головой.

— И вот даже в эти тёмные времена, — говорила Дина Борисовна, — появлялись замечательные люди, учёные, которые стремились познать законы природы и заставить их служить человеку. Они положили начало многим современным наукам. Одним из таких людей был Роджер Бэкон, англичанин. Мне он нравится больше всех. Он родился... — она взяла у Глеба учебник истории и прочитала — ...в 1214, а умер в 1294 году. За всю жизнь он сделал множество открытий, но современники о них ничего не знали, и только через триста лет его работы были найдены другими учёными. В одной из книг он писал

так — вы только послушайте: «Четыре, в высшей степени заслуживающие порицания, вещи составляют помехи делу истины. Преклонение перед недостойными и неосновательными авторитетами, привычка к давно установившимся мнениям, неосновательность суждений толпы и ложная мудрость учёных, скрывающая их невежество...» И дальше: «Где имеют силы эти помехи, там не действует ни разум, ни закон, там нет места для правды, там не имеют силы предписания природы, господствует порок, добродетель исчезает, там царствует ложь и гибнет истина».

Слова эти по отдельности были вполне всем понятны и знакомы, но составленные вместе и прочитанные вслух они превратились во что-то необычное и возвышенное, отчего многие покраснели и согнулись над учебниками, словно стыдясь чего-то. Дина Борисовна опять увлеклась и не смотрела ни на часы, ни на Татьяну Васильевну, которая махала ей рукой, пытаясь сказать, что хватит про Бэкона — нужно переходить к другому материалу.

— Он занимался разными науками, — продолжала Дина Борисовна, — математикой, механикой, астрономией. И ещё он был немножечко алхимик.

— Кто-кто? — не удержался Глеб.

— Алхимия — это почти химия, только без формул, наугад. Вот, например, в вашем химическом кабинете стоят

разные банки с порошками и жидкостями. Вы не знаете, что это за вещества, и, если вас впустить сейчас в кабинет, вы, конечно, начнёте всё смешивать, — и получится алхимия. Это очень увлекательная и опасная наука. Вот вы смешали несколько веществ, и получился какой-то неизвестный предмет. — Она вынула из портфеля и подняла над головой чёрную таблетку. — Совершенно неизвестно, что это такое. И вдруг...

Таблетка выскользнула из её пальцев, упала на пол и громко взорвалась.

— Ой, — вскрикнула Сумкина.

— Ещё! — зашумели все. — Ещё разочек!

Татьяна Васильевна закрыла лицо руками, привстала, потом снова села и с досадой хлопнула блокнотом по парте.

— А отчего он умер? — спросил кто-то.

— Монахи и богословы ненавидели его, — сказала Дина Борисовна. — Он разоблачал их невежество, нечестность. У него не было никакой власти, но они его очень боялись: то, что он говорил, приводило их в ужас, и они разбежались, только увидев его в дальнем конце коридора. Они считали, что в их богословии наука закончена, всё сказано и дальше идти некуда. Самым злейшим врагом Бэкона был генерал ордена Иоанн Бонавентура. Он решил устроить над ним суд. И вот, когда собрался суд...

Она вдруг замолчала и осталась у парты Дергачёва.

— Чего ты там ищешь? — спросила она. — Ты всё время ищешь и не слушаешь. Разве тебе неинтересно?

— Мне неинтересно, — честно сказал Дергачёв и встал.

— Почему? Тебе всё равно, что случилось с Роджером Бэконом? Или как?

— Так ведь тут всё очень просто. Надо было убить этого Бонавентуру, вот и всё. Он сам виноват, что не догадался.

— Как убить?

— Обыкновенно как — кинжалом. Уничтожить.

— Но ведь пришёл бы другой на его место.

— И этого тоже, — сказал Дергачёв. Он даже слегка улыбнулся, так просто и приятно у него всё получалось.

— Не знаю, — растерянно сказала Дина Борисовна. — Прямо не знаю, как тебе ответить.

Она беспомощно поковыряла указкой паркет и отошла к столу. В тишине все услышали, как за стеной в спортзале упало что-то тяжёлое, потом застучали ногами, и раздалось три свистка. Дергачёв, ничего не понимая, оглядывался по сторонам, но все от него отворачивались и молчали, пока, наконец, Татьяна Васильевна не поднялась и не сказала:

— Ну хватит. Дергачёв, давай сюда дневник и садись на место. Урок окончен. К следующему разу учить до четвёртого параграфа. Всё.

И сразу же прозвенел звонок.

В С Ё Н А О Б О Р О Т

— Ну, Зенуков, как ты себя чувствуешь? — спросил Сергияковлич.

Глеб как раз ел пирожок и от неожиданности так сдвинул его зубами, что повидло полезло во все стороны и капнуло ему в рукав.

— Спасибо, Сергияковлич, хорошо. Вот тут под коленкой синяк, и штаны немного порвались, а больше ничего.

— Ох, смотри, Зенуков, смотри, доиграешься ты, — с облегчением сказал Сергияковлич и ушел в учительскую.

— Басманцев! — позвали из класса.

— Да погодите вы, — крикнул, подбегая, Басманцев. — Глеб, только честно, — у тебя сколько марок?

— Двести тридцать шесть, — сказал Глеб.

— Ну вот, я же говорил! Я ему говорил, что у меня больше. У меня двести пятьдесят девять — больше всех в нашем классе.

От радости он схватил Глеба за рукав и раздавил там повидло.

— Басманцев, — снова позвали из класса. — Это ты оставил коржик на парте?

— Ну я, — обернулся Басманцев.

— По нему муха ползает — иди прогони её.

Басманцев взмахнул руками и убежал.

«Откуда же мухи зимой? — подумал Глеб. — Какой-то он доверчивый, этот Федька, — я бы ни за что не поверил».

Кругом была ужасная толкотня, и последние учителя проплывали над нею в учительскую, как корабли. Вдруг откуда-то вынырнул Толян с учебником географии и потащил Глеба в соседний 6-а.

— Айда скорей, меня сегодня вызовут, а я еще глобуса не выучил. У них там есть маленький на подоконнике, ты мне покажешь, ладно?

«Опять там, наверно, Семёнова сидит, — подумал Глеб. — Вечно она мне попадается».

Они вошли в 6-а, и там на первой парте действительно сидела Семёнова. Она читала какой-то журнал, волосы её свесились вниз и волочились по строчкам, она подхватывала их рукой, убирала за спину, но они не держались там и сыпались обратно. Глебу стало немного страшно и вроде бы чего-то смешно, что он вот стоит здесь рядом с ней, все на него смотрят и думают какую-нибудь ерунду — что пришел Зенуков, тот, которого задавили. Задавили, а он ходит, значит, не очень задавили! И китель у него без пуговицы, где же он пуговицы потерял, может, вчера у Толяна? Или в планетарии? Там темно было, не видно — навер-

но, в планетарии... Думают так и ничего больше не замечают.

— А где же у них глобус?— спросил Толян. — Семёнова, вы куда дели свой глобус?

— Его унесли — будут приделывать луну и спутников, — сказала Семёнова. — А у вас разве нет?

— Нет, наш глобус уже сгорел. Месяц назад.

— Как сгорел?

— Это всё Басманцев. Говорит, давайте я вам настоящие вулканчики устрою, с извержениями — вот и устроил. Весь Тихий океан сгорел, пока не потушили.

— Не надо было давать. Я бы ни за что не дала.

— Много ты понимаешь, — сказал Глеб. — Лучше скажи, ты знаешь, кто такой был Роджер Бэкон?

— Не знаю.

— Эх ты! Пошли, Толян, что с ней разговаривать — Бэкона не знает.

— Пошли, — сказал Толян.

— А вы!.. вы сами... — крикнула им вслед Семёнова, но всё же достала портфель и, торопясь, начала листать учебник ботаники — ей почему-то казалось, что этот неизвестный Роджер Бэкон обязательно должен быть садоводом.

ЗА НЕСКОЛЬКО минут до звонка в класс вбежал Коля Свиристелкин и закричал:

— Ребята, что я вам расскажу! Вы только послушайте, ребята. Да тише, вы!

— Ну что ещё? — зашумели все. — Давай говори.

— Да нет, вас слишком мало. Зовите всех, тогда расскажу.

Он бросился к двери и закричал:

— Глеб, Толя! Идите скореей.

Видно было, что он хочет рассказать что-то смешное и боится, что не все его услышат. Ему ужасно редко удавалось рассказывать смешное, хотя он много раз пытался, но всё получалось что-то не то.

— Ну, Коля, говори же, — сказала Сумкина. — Все уже здесь.

Коля вскочил на парту и сделал такие глаза — они у него почти выкатились.

— Там, в учительской... в учительской я слышал, как... — тут он замер, выжидая, — как этой Дине Борисовне поставили за урок пару, во!

— Ну и что? — сказал Дергачёв. — Что ж тут смешного?

И верно, никто не засмеялся.

— Как же? Сама учительница и сама же получает пару — разве не смешно? Всё наоборот. Вы только подумайте, как это смешно, — уговаривал Коля. Ему всегда казалось, что если наоборот, то уж страшно смешно. Например, если пожарное депо и вдруг загорится или машина скорой помощи кого-нибудь подобьёт.

— Эх ты, комик! — сказал Басманцев. — Слезай с моей парты.

— **И ЭТОТ ВЗРЫВ**, этот ужасный взрыв, — говорила Татьяна Васильевна. — Как вам такое пришло в голову. Хорошо ещё, что ни-

кто не пострадал. И где вы только достали взрывчатку?

— Да это же совсем не опасно, — сказала Дина Борисовна и полезла в портфель.

— Нет-нет, прошу вас, хватит, — воскликнула Татьяна Васильевна. — С меня хватит. Вы совершенно сорвали план урока. Вместо трёх учеников успели спросить только одного. Один ученик целых двадцать минут говорил о посторонних вещах, и времени, конечно, не осталось. Новый материал изложили из рук вон плохо. Бэкон, Бэкон и Бэкон, и даже не успели рассказать, как он погиб. Кстати, я немного забыла — чем кончился этот суд над ним?

— Его осудили, он просидел в тюрьме четырнадцать лет, — сказала Дина Борисовна.

— Ах да, теперь вспоминаю. Но это неважно. Честно вам сказать, я за всю свою жизнь не видела такого плохого урока. Подумайте, Дина Борисовна, подумайте серьёзно — может, вам лучше переменить профессию. Ещё не поздно.

— Нет-нет, это невозможно, — испуганно сказала Дина Борисовна. — Только не это.

— Да почему же? Есть масса профессий ничуть не хуже.

— Нет, мне обязательно надо эту. Дайте мне попробовать ещё раз, — может, у меня получится.

— А если не получится? Если вы опять сорвёте урок?

— А если, а если, — сказал вдруг Сергияковлич. — Но

так же нельзя. Так нельзя, уважаемая Татьяна Васильевна.

Он стряхнул очки на кончик носа и посмотрел на неё по верх ободков.

— Не понимаю, — сказала Татьяна Васильевна.

— Нельзя так требовать с первого раза. Гвоздь. Попробуйте вбить в стол, простой гвоздь — с первого раза у вас ни за что не получится. Надо как-то помочь молодому педагогу Дине Борисовне, дать ей возможность познакомиться с ребятами, привыкнуть.

— Да, пожалуйста, — сказала Дина Борисовна.

— Я предлагаю вот что. Пусть она месяц работает у них вроде пионервожатой, проведёт несколько мероприятий, и тогда мы посмотрим — можно доверять ей учеников или нет. Ну как, вы согласны?

— Да, конечно, я согласна, — сказала Дина Борисовна.

— Если будет трудно, обращайтесь сразу ко мне, не стесняйтесь. Но сначала хорошенько обдумайте все мероприятия — это самое важное.

— Я пойду с ними в планетарий.

— Нет, в планетарий они уже ходили. Вы не торопитесь, обдумайте всё хорошенько.

— Конечно, я что-нибудь придумаю.

— Ну хорошо, — сказала Татьяна Васильевна. — Только, пожалуйста, чтобы ничего не взрывалось.

Ф И Н С К И Е Л Ы Ж И

ГЛЕБ натирал лыжи и не заметил, как за его спиной из-под одеяла вылез Сенька.

— Ты куда? — спросил Сенька. — В спортшколу?

— Не, мы сегодня на лыжах. Всем классом. В спортшколу завтра.

— А зачем тебе в спортшколу? С кем тебе надо подражаться?

— Ни с кем. Мы там занимаемся.

— А мне надо подражаться. С Женькой Карташовым, знаешь?

— С Женькой? Вы же с ним друзья.

— Были друзья, а теперь нет. Он меня оскорбил. Я теперь ему покажу, он у меня узнает, как оскорблять. Не слышал, в нашей спортшколе есть бокс?

— Ты лучше скажи, как он тебя оскорбил. Может, тебе не в бокс надо, а прямо в стрелковый кружок — из винтовки «кых»! Или в самбо.

— Он сказал, что я красавчик. Ты, говорит, такой красавчик, такой миленький — просто прелесть. Это его сестра так научила. Я ему говорю — Женька, не дразнись, а то я с тобою подерусь. А он говорит, ты не умеешь. Я тебе как дам, ты у меня знаешь куда улетишь.

— Женька даст, — сказал Глеб. — Он здоровый.

— А я научусь. Я ему говорю, знаешь, теперь какие кру-

жки есть. Я пойду, меня сразу запишут.

— Иди в самбо, — сказал Глеб. — Это для тебя лучше всего. Там и силы не нужно — одни приёмчики. Приходи завтра, я тебе покажу, где они занимаются.

У ВОКЗАЛА улицы лежали совсем сухие, как летом, и было смешно смотреть на людей с лыжами — не верилось, что где-то ещё снег, по которому можно ездить. Дина Борисовна стояла на самой верхней ступеньке, чтобы было заметней, и махала подхлывшим ребятам жёлтой варежкой, надетой на лыжную палку, — махала, махала, пока варежка не сорвалась и не улетила в толпу.

— Вот так всегда, — говорила Сумкина, отмечая в списке. — Все придут, а Косминского нет. Вечно опаздывает, а ещё говорит, что Косминский это всё равно, что Космический, — одно и то же.

Потом пришёл, наконец, и Косминский с большим мешком за спиной, и все побежали к поезду.

— Чего это ты столько набрал? — спросил Глеб, щупая

мешок. — А это что? Какой-то ящик.

— Да нет, — ответил Косминский, — это шахматы. А вдруг, думаю, мне захочется поиграть в дороге. Я специально за ними вернулся — потому и опоздал.

— А рояль ты не захватил? — спросил Толян. — Ты же любишь играть на рояле — вдруг тебе захочется.

— Ладно-ладно, — сказал Косминский, — вот захотите в шахматы сыграть, тогда ещё попросите.

Поезд тронулся и быстро проехал мимо опоздавших людей, мимо тоннелей и старого железнодорожного плаката в конце платформы, на котором все успели прочесть только три слова: «...можете потерять жизнь...»

— Как это? — заволновался Свиристелкин. — Почему потерять, из-за чего? Ты не видел, что там дальше написано?

— Не видел. Дальше маленькими буквами, не разобрать.

— Ребята, не расходитесь, садитесь поближе, — говорила Дина Борисовна.

— Не так, да не так же, — шептала Сумкина. — Ты сюда, а ты сюда — мальчики отдельно, девочки отдельно.

— Да ну тебя, сама ты отдельно, — сказал Дергачёв.

В вагоне почти все ехали с лыжами, а те, кто был без лыж, чего-то стеснялись и старались глядеть только в окна, будто им было стыдно, что вот последние дни зимы, а они едут за город просто так. Глеб

по себе знал, как это бывает — когда смотришь парад вооруженных сил или марафонский бег на улице, становится как-то неловко и очень хочется маршировать или бежать там вместе со всеми.

— Дина Борисовна, — спросил Басманцев, — это у вас какие лыжи, турецкие?

— Нет, это финские. Видишь, тут написано.

— Ага, красивые. А у меня есть турецкая марка, на ней тоже нарисованы лыжи — очень похоже.

— Неужели турецкая? Как интересно — турки на лыжах. Где же они там катаются?

— Ну не знаю. У меня много всяких марок.

— У него больше всех, — крикнул кто-то. — Разве он вам не говорил?

— Как же ты забыл, Федя?

— Он такой застенчивый — никому не рассказывает.

— Вот они смеются, — сказал Басманцев, — ругают меня. Не понимают, дураки, что у меня должно быть больше всех марок.

— Почему у тебя должно быть больше всех? — спросила Дина Борисовна.

— Ну как же. Я и ростом выше всех, и бегаю быстро, значит и марок у меня должно быть больше всех. Разве не так?

— А мой брат Сенька ходил в марочный кружок — там у ребят всё равно больше, чем у тебя. Больше тысячи.

— Где? Где такой кружок? — закричал Басманцев.

— Да, я тоже туда ходил, —

сказал Толян. — Там все обмениваются — сидят два часа за столом и обмениваются. Интересно. Я там всегда так менялся, что у меня к концу ни одной марки не оставалось. Ну и пусть, думаю. Всё равно, они под конец уже потные совсем и липкие — так и расплзаются.

— Я бы лучше сучки собирала, — сказала Дина Борисовна. — Есть такие смешные сучки — как танцоры. Или как рыцари.

— Как сапоги, — закричал Косминский.

— Пистолеты!

— Пауки!

— Собаки!

— Стеньки Разины!

— Мушкетёры!

— Хватит, хватит, довольно, — воскликнула Дина Борисовна. — Смотрите — нам сейчас выходить.

Поезд остановился, и ребята, стуча лыжами, вышли на платформу. Сразу за платформой начинается лес больших сосен, и снегу там лежало ещё очень много, только он уже был не очень белый и какой-то неровный, как кефир.

— Ну, кто у вас лучший лыжник? — спросила Дина Борисовна.

— Я! Я! — закричали несколько голосов.

— Федька лучше всех, — сказал Глеб. — Басманцев.

— Значит, он пойдёт последним.

— Почему последним? Я не хочу.

— Ты будешь помогать отстающим. Будешь отставать

вместе с ними, — сказала Дина Борисовна.

— А куда мы пойдём? Давайте посетим исторические места.

— Дина Борисовна, давайте! Тут есть исторические места?

— Конечно. Все места исторические.

— Ну да...

— Как это? Выходит, и платформа историческая?

— И платформа.

— А мы?

— А я? — спросил Косминский.

— И ты тоже. Может, через пятьдесят лет экскурсоводы в музее будут говорить про твой мешок: «Вот с этим самым мешком Сева Косминский ходил на лыжах».

— Да он не ходит никогда.

— Это он случайно.

— Слышишь, Косминский, ты теперь береги свой мешок.

— Не запачкай.

— Давай я тебе почищу — неудобно такой грязный в музее.

— Поехали! Поехали скорее, — закричали впереди.

В лесу что-то тихо сыпалось с веток, и вдоль лыжни росли кусты, густо забитые снегом. Время от времени попадались флажки и разноцветные стрелки на деревьях, а один раз пробежал лыжник № 136, запыхавшийся и такой краснощёкий, будто его только что волочили лицом по сугробам. Дина Борисовна часто отходила в сторону, пропускала мимо себя весь класс, потом снова обгоняла быстро, как на

коньках, и по дороге давала советы насчёт дыхания и всего остального.

— Дыши, дыши сильнее, — говорила она.

— Не гнись.

— Работай палками. Да нет, вот ты упираешься, а лучше наоборот — отталкивайся.

— Толя, ты почему без шапки?

— А я назло, — сказал Толян.

— Он всё делает назло, — крикнул Косминский. — Он и по льду бегаёт и простужается нарочно — я его знаю.

— Что ты знаешь? Когда я простужался? Я уже три года не простужался.

— Вы не бойтесь, он не простудится, — сказал Глеб. — Он закалённый.

— Закалённый, как пирожок солёный, — ответила Дина Борисовна и быстро ушла вперёд.

— Подумаешь — обогнала и воображает, — сказал Толян. — Если б не ты, я бы ей сейчас показал класс — болтаешься тут под ногами.

— Ну да, показал бы ты, — ответил Глеб. — У неё, наверно, первый разряд по лыжам — вон как она шпарит. За ней и Федька бы не угнал, не то что ты.

Ему почему-то очень нравилось, что Дина Борисовна так здорово ходит на лыжах и все это видят и думают, что вот, хоть ей и поставили за урок двойку, а вон она как на лыжах бегаёт, и это ерунда, что двойка, это ничего не доказывает, она ещё исправит её, и у неё всё получится, — ему

страшно хотелось, чтобы у неё получалось.

Лес кончился на берегу замёрзшей реки. Берег был высокий, и с него далёко до самого горизонта виднелись интересные исторические места с чёрными домиками, полями, с высоковольтными арками и маленькими автобусами на шоссе, а надо всем по небу тянулись следы двух самолётов, которые будто бы долго гнались друг за другом и вдруг оба одновременно остановились.

— Вперёд! Скорей! — кричал Басманцев и бросился вниз, и за ним все ребята и девочки и Дина Борисовна, по крутому обрыву, между пенками и ямами, падая, сталкиваясь и крича: «Скорей! Скорей!», словно они боялись, что им не хватит времени объехать всё интересное.

— За мной! За мной! — кричал Косминский. Но за ним уже никого не было.

«И за мной, — подумал Глеб. — Хоть кто-нибудь за мной! Семёнова... Пусть это будет Семёнова».

Вдруг он увидел, как Дина Борисовна впереди него странно подпрыгнула, взмахнула руками и исчезла в яме под снегом.

— Стой, на помощь! — кричал он, тормозя и цепляясь за снег руками. Ещё несколько ребят остановились рядом с ним, оглядываясь и ища, кого нужно спасать, но Дина Борисовна уже поднялась сама. Она с недоумением шарила в яме, доставала оттуда обломки своих лыж, кусочки палок

и зачем-то аккуратно складывала их рядом с собой в виде колодца. Потом потеряла ушибленное плечо:

— Ну как же это... Не понимаю... За что я зацепилась?

Ребята подъезжали и оставались около Дины Борисовны, молча и с уважением рассматривая красивые обломки финских лыж.

— Вот это да, — прошептал кто-то.

— Что же мы теперь? Неужели домой? — спросил Свиристелкин.

— Вот и покатались.

— Нет-нет, мы что-нибудь придумаем, — сказала Дина Борисовна. — Сейчас придумаем.

— Смотрите, — воскликнул Глеб, указывая вниз. — Девчонки на лыжах. Айда, отнимем!

— Айда, айда! — загалдели все, и несколько человек побежали по направлению к незнакомым девчонкам.

— Стойте! Сейчас же вернитесь! — закричала Дина Борисовна. — Как вам не стыдно. Идите сюда, сейчас мы что-нибудь придумаем. Какие наши грабители!

«Грабители» вернулись, и некоторое время все молчали, в нетерпении оглядываясь на деревья и арки там внизу.

— Дина Борисовна, — сказал Басманцев. — Вот Косминский больше не хочет. Он отдаст свои лыжи, и мы поедим.

— Это правда? — спросила Дина Борисовна. — Ты дей-

ствительно больше не хочешь?

Косминский молча вышел вперед, нагнулся к креплениям, и было слышно, как застучали шахматы, пересыпаясь в его мешке.

— Ну нет, — сказала Дина Борисовна, — перестань. Я вижу, что тебе совсем ещё не надоело кататься.

Косминский молчал.

— Да он, правда, не хочет, — крикнул кто-то.

— Он и ездить-то не умеет!

— Давай снимай!

— Он лучше дома на рояле поиграет.

— Слышишь, Косминский!

— Снимай, кому говорят!

— Сейчас же перестаньте! — воскликнула Дина Борисовна. — Вы такие!.. такие чужие — я больше с вами не могу. Как вам не стыдно. Катайтесь теперь сами, делайте, что хотите, только чтобы не для меня.

И она быстро пошла обратно в сторону станции, словно убегала, боясь, что ребята действительно сделают для неё что-нибудь такое — ограбят кого-то или начнут перочинными ножиками пилить сосну и вырезать ей новые лыжи, а она не сможет им помешать.

— Ну что, Косминский, — сказал Толян, — видишь, что ты наделал.

— Добился своего.

• — Эх ты!

Тут Косминский не выдержал и заплакал.

ФОКУСЫ, ПИСЬМА И СИЛИКАТЫ

ВАНТРАКТЕ Сенька и Глеб купили стаканчик мороженого и по очереди ковырялись в нём деревянными палочками, долго высматривая, откуда вкуснее ковырнуть. Рядом с Сенькой сидел человек с газетами в карманах пальто. Он быстро читал их, оттягивая пальцами щёку, и косился на мороженое — видимо, ему тоже хотелось. Щёку он мог оттягивать так далеко, что Глебу иногда делалось страшно, и он отворачивался, а Сенька даже не вытерпел и тихо сказал:

— Дядя, не нужно больше.

Во втором отделении были одни фокусы — выступал знаменитый иллюзионист. Он вышел на середину, взмахнул на три стороны руками, а за ним в свете прожекторов появился небольшой слон с холодильником на спине. К слону приставили лесенку, и по ней из холодильника вышли на арену восемь карликов, пять обезьянок, два зайца, петух, кошка и собака и три женщины — две очень красивые, а одна не очень. Все захлопали, и Сенька тоже, а человек с газетами заглянул ему в лицо и удивлённо пожал плечами. И дальше, какой бы номер ни показывали, он всё откидывался,

закрывал глаза рукой и бормотал про себя:

— Что он там делает, что он делает! Нет, это невозможно, я этого не вынесу.

Наверно, он очень хорошо видел, как делаются все эти фокусы, и не мог понять, что другим ничего не заметно, — ужасно переживал и со страхом заглядывал в лица, будто ждал, что вот-вот все тоже увидят и возмутятся.

— Дядя, — сказал Сенька, — что вы за меня хватаетесь? Вы лучше не хватайтесь, а расскажите, как он делает.

— Да неужели ты не видишь?! Ну смотри на его ногу, видишь, как он её держит. А теперь — раз! Видал? Видал? Ну что, понял теперь?

— Нет, — сказал Сенька.

— Как же ты смотришь, неужели никто действительно не видит!.. Вот он показывает целое стекло, а сейчас раз — и задвинет. Ну, теперь-то понял?

— Нет, всё равно не понял, — сказал Сенька.

И никто кругом не понял — всем было очень интересно. Глеб даже слышал, как один мальчик, уже выходя из цирка, сказал:

— Мама, как хорошо, что я родился.

ИНСТИТУТСКИЙ коридор весь был увешан сатирическими газетами. На одной были нарисованы колхозники, которые рядами маршировали за плакатом с надписью: «Поможем студентам сдать экзамены». Дина Борисовна быстро прошла мимо газет, поглядывая на ходу, нет ли чего-нибудь новенького, и спустилась по лестнице к дверям лаборатории силикатов. За этими дверями стояло множество специальных шкафов, похожих на буфеты, а около одного из них сидел бородатый студент и сильно растирал в каменной ступке, наверно, эти самые силикаты.

— Ну что? — спросил он, подвигая Дине Борисовне стул и чему-то смеясь. — Поверила теперь?

— А я это и раньше знала, — ответила Дина Борисовна. — Но всё равно, я не отступлюсь. Тебе ещё долго здесь сидеть?

— Минут сорок. Подожди меня, я тебе ещё взрывчатки заготовлю.

— Нет, это теперь запрещено. Лучше придумай мне хорошее мероприятие. Вот я вчера ездила с ними на лыжах, и то ничего не вышло.

— Почему? Ты ведь здорово ходишь.

— Просто не могу понять, за что я зацепилась. Там был совсем ровный спуск и вдруг — раз! — и полетела.

— Сломала лыжи?

— Вдребезги. На мелкие кусочки.

— Да, это ты напрасно.

Лучше бы ты сломала ногу. Или руку.

— Вот ещё! Зачем? Я не хочу.

— Это бы их сплотило. Они бы сделали тебе лубок, отнесли бы на станцию — в общем, спасли бы тебя. Знаешь, как им нравится спасать.

— Перестань. Ты всегда смеёшься. Даже когда мне плохо, ты всё равно смеёшься.

— А что я могу сделать? Или хочешь, возьму их с собой в подводную экспедицию? На Чудское озеро, с аквалангами?

— Это ещё когда будет. И потом, лучше такое мероприятие, чтобы с пользой. Для школы, например, или металлолом.

— Так я же и говорю. Соберём на дне доспехи псов-рыцарей и сдадим — пускай из них сделают трактор.

— Ты опять, — сказала Дина Борисовна, но не смогла удержаться и тоже засмеялась. — Нет, вот ты не веришь, а я обязательно что-нибудь придумаю.

ПИСТОЛЕТ стрелял очень сильно, но пуля была привязана веревочкой.

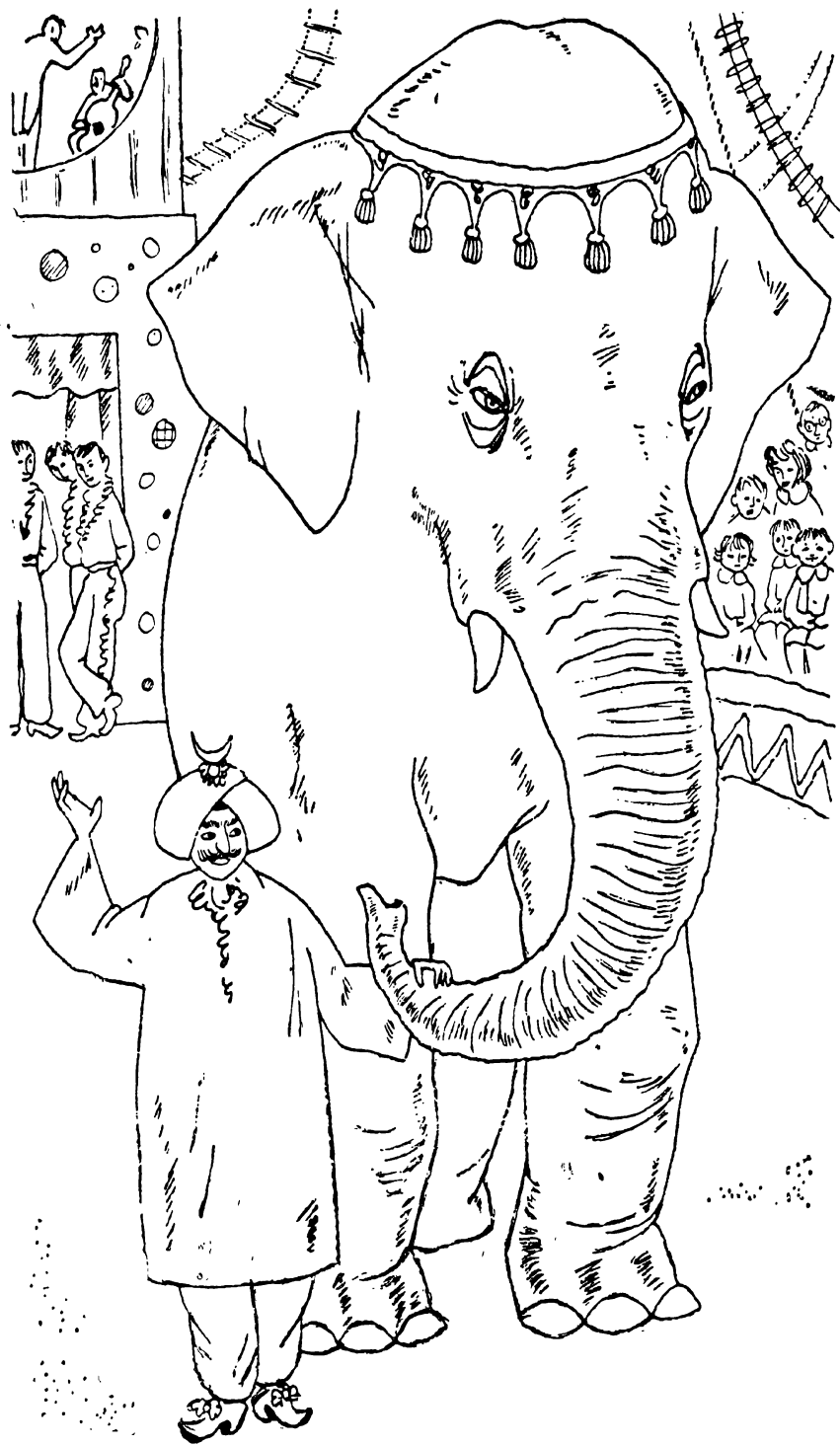
— Ну что, покупать? — спросил Сенька.

— Конечно, покупай, — сказал Глеб. — Что ж ты зря копил столько времени?

— Дуло у него вроде кривое, — сказал Сенька. — Ну, да ладно уж.

Он пересчитал на ладони деньги, купил пистолет и первым делом перерезал верёвочку.

— Буду развивать меткость.

Разовью немножко и пойду в стрелковый кружок. Хорошо! Вон видишь — кошка, хочешь попаду?

— Нет, в кошку не надо.

— А она вредная, заразу разносит.

— Что ж, если ты в неё попадёшь, она, что ли, перестанет разносить?

— Ну тогда в дерево.

— В дерево давай.

Они вошли в садик, Сенька выстрелил в дерево, но не попал, и пуля улетела далеко в сторону детской площадки. Там трое первоклассников играли в грузовик и тот, который был шофёром, всё говорил:

— Сегодня воскресенье, можно подхалтурить.

Все трое каждый раз помирились со смеху.

Сенька нашёл пулю и крикнул:

— Это потому, что в дерево. А в Женьку Карташова я бы точно попал, хоть с десяти шагов.

— Ладно, ладно, — сказал Глеб, — ещё научишься. А в самбо ты записался?

— Записался.

— Ну всё тогда. Пошли домой.

Дома папа сидел без пиджака и объяснял маме, как нужно чинить телевизор. Мама смеялась и делала вид, что ничего не понимает — видимо, ей хотелось, чтобы по-прежнему чинил папа.

— Опоздали, — сказала она, взглянув на часы. — Будете теперь разогревать сами. И посуду мыть тоже — мы с папой заняты.

— Глеб, — крикнул папа, — там тебе письмо. Возьми у меня на газетах.

«От Семёновой, — сразу подумал Глеб. — Ну вот, опять. И чего она ко мне привязалась. Даже подумать ни о чём нельзя — обязательно она влезет. Будто мне не от кого писем получать.»

Адрес на конверте был правильный, но само письмо оказалось написанным по-английски. Это уж было совсем непонятно. Никогда у Глеба не было знакомых из Англии. Он хотел показать письмо отцу, но подумал: «А вдруг и вправду от Семёновой», — и остановился. Сам он учил в школе немецкий, и по-английски знал только «хау дую ду» и ещё слово «реасе», которое однажды рисовали на праздничном плакате.

«Вот это влип, так влип, — подумал Глеб. — Что же теперь делать?»

— Давай, я буду греть суп, а ты второе, — сказал Сенька.

— Да ну тебя, отстань ты со своим супом. Не видишь, что ли, — я письмо читаю.

— Да, ты хитрый, — сказал Сенька. — Всегда ты вывернешься. Или письмо получишь, или ещё что...

И ушёл греть один.

(Окончание следует)

жался очень осторожно. Такая осторожность была тем более необходима, что, посылая его за границу, русские революционеры поручили ему очень и очень важные дела, о которых полиция даже не должна была догадываться. А дела эти были такие. Он должен был, во-первых, связаться с жившими за границей русскими революционерами и договориться о важных вопросах руководства революционной борьбой в России. Ему предстояло, во-вторых, лично познакомиться с революционной борьбой европейских рабочих. И, наконец, нужно было любыми способами раздобыть и переправить в Россию нелегальную партийную литературу.

Это последнее дело было особенно сложным.

Желая запутать полицию и шпионов и зная, что его письма к родным вскрывают и читают, Владимир Ильич писал о самых безобидных вещах. То он с тонким юмором описывал, как он пытался в вагоне поговорить с кондуктором-немцем, который ни слова не понимал по-русски. Владимир Ильич задавал кондуктору какой-нибудь вопрос на немецком языке. Тот с невероятной быстротой произносил на каком-то немислимом диалекте ответную фразу. Владимир Ильич, не понимая разговора кондуктора, повторял вопрос. Кондуктор, думая, что Владимир Ильич плохо слышит, очень громко, но с той же непостижимой быстротой кричал ту же фразу, которую теперь уже трудно было разобрать даже

коренному немцу. Владимир Ильич смущённо пожимал плечами: мол, не понимаю. Дело кончалось тем, что кондуктор, покраснев от натуги и ярости, уходил. В других письмах Владимир Ильич писал о красотах природы Швейцарии, о семейных делах, о погоде и о многом другом. Нигде в письмах полиция не могла бы обнаружить и намёка на его действительные дела.

К осени Владимир Ильич выполнил все поручения и собирался домой, обратно в Россию. Предстояло выполнить последнее задание: переправить в Россию собранную им нелегальную литературу. Посоветовавшись с немецкими товарищами революционерами, Владимир Ильич решил, что лучший способ переправить нелегальную литературу — это запаковать ее в чемодан с двойным дном. Немецкие социал-демократы указали ему на одного переплётчика — социал-демократа, проживавшего в Берлине на улице Манштейнштрассе, 3, который считался искусным мастером по изготовлению такого рода чемоданов. Этот-то мастер и изготовил Владимиру Ильичу чемодан из жёлтой кожи с двойным дном.

7 сентября 1895 года поезд, в котором возвращался Ленин, прибыл на пограничную станцию Вержболово. Не успел он ещё окончательно остановиться, как в вагон ввалилась целая куча жандармов во главе с ротмистром Шпейером. Проверка документов и багажа шла очень быстро, пока оче-

редь не дошла до Владимира Ильича. Тут жандармов как будто подменили: переглянувшись между собой, они начали лихорадочно развязывать пакеты и тщательно ощупывать каждую мелочь. Особенно тщательно они перерыли всё в

красивом чемодане из жёлтой кожи.

Ротмистр Шпейер донёс в Петербург, что он

произвел обыск у В. И. Ульянова на станции Вержболово, но «по самому тщательному досмотру его багажа, ничего предосудительного не обнаружено».

А через несколько дней после возвращения Ленина в Пе-

тербург в полицию начали поступать тревожные сведения, что в рабочих кружках и у отдельных лиц появились опасные нелегальные издания! Испуганные власти распорядились любым путём узнать, откуда они появились и кто их распространяет.

Забегали шпионы, засуетились провокаторы. Наконец, удалось установить, что появление этих изданий связано с Ульяновым, который привёз из-за границы чемодан из жёлтой кожи, наполненный нелегальной литературой.

К директору департамента полиции вызвали двух опытных шпионов: тайного агента Короткова и полицейского надзирателя Цветкова.

— Вам поручается важнейшее дело, — строго взглянул на них «всесильный» директор. — От вашего успеха или неудачи зависит судьба крупного антигосударственного заговора. Да и ваша личная карьера тоже, — добавил он. — Прежде всего где угодно, но разыскать чемодан из жёлтой кожи и потом уж из глаз его не выпускать. Ясно?

Шпики согласно кивнули головами.

Владимир Ильич довольно скоро почувствовал, что слежка за ним усилилась. Да к тому же Надежда Константиновна Крупская сообщила, что от своей двоюродной сестры, работавшей в адресном столе, случайно узнала: ночью в адресный стол приходил сыщик и хвастался: «Выследили важного государственного пре-

ступника Ульянова. Теперь от нас не уйдёт».

В создавшейся обстановке держать у себя жёлтый чемодан стало опасно, и потому Владимир Ильич попросил своего друга — революционера Анатолия Александровича Ванеева — спрятать куда-нибудь этот слишком заметный для полиции «багаж».

Чемодан нужно было уничтожить. Но и это не так-то просто было сделать. Любая квартирная хозяйка, любой сосед, любой дворник начали бы очень подозрительно смотреть на человека, который бы вдруг начал резать на кусочки или жечь прекрасный новый кожаный чемодан! Для уничтожения чемодана нужна была отдельная квартира. И Ванеев привлёк себе в помощь других молодых революционеров.

А между тем старательные шпики доносили в департамент полиции:

«30 сентября, выйдя из квартиры в штатском платье, с нахлобученною шапкою и спрятанной в воротник плаща нижней частью лица, он (Ванеев) отправился к Названову, куда прибыла слушательница Высших женских курсов Елена Сибирская. В то же время к дому, в котором проживает Названов, подошёл и Ульянов, но, не заходя в дом, вскоре же удалился. Через четверть часа Ванеев, вместе с Сибирской, отправились на извозчике в дом № 48 по Гороховой улице, Сибирская осталась ожидать на извозчике, а

Ванеев отправился к студенту С. Петербургского университета Виктору Сержнакову. Спустя около получаса Ванеев вышел от последнего в сопровождении студента того же университета Николая Митрофанова - Шеманова, причём они вынесли и поставили на извозчика чемодан жёлтой кожи, который Сибирская и отвезла на свою квартиру».

Что произошло дальше, шпионы сообщить не могли. Произошло же вот что. Когда стало ясно, что следы чемодана скрыть не удастся, было окончательно решено уничтожить его. Сделать это решили на квартире Сибирской и её подруги Кашауровой.

Со своей квартирной хозяйкой слушательницы Высших женских курсов Е. В. Сибирская и А. М. Кашаурова были в хороших отношениях. Договориться с ней им было трудно: мол, если спросят её полицейские о чемодане из жёлтой кожи, так она никаких чемоданов у своих квартиранток не видела. Мало ли кто в дом с чемоданом вошел — двор-то проходной!

Старательные шпики дежурили у ворот. А в печке ярко пылали остатки чемодана из жёлтой кожи.

Случилось, однако, так, что история чемодана на этом не закончилась.

В декабре 1895 года Владимир Ильич Ленин и многие его товарищи по «Петербургскому союзу борьбы за освобождение рабочего класса» были арестованы. Арестовали и А. А. Ванеева. Полиция подбирала веские улики «антигосударственным заговорщикам», чтобы засудить их покрепче.

Зная о том, что полиция давно следила за чемоданом и что теперь его могут спросить, куда чемодан делся, Владимир Ильич решил принять необходимые меры предосторожности.

При свидании с Надеждой Константиновной Крупской он сумел передать шифрованное письмо своим родным в Москву, в котором просил их срочно приобрести чемодан из жёлтой кожи и в случае обыска сказать, что этот чемодан его, Владимира Ильича, который он оставил у них, будучи в Москве.

Родные, конечно, сразу же выполнили это поручение, хотя и были не очень уверены, что купленный ими чемодан точно похож на тот, который был у Владимира Ильича.

О том, как мучила родных и самого Ленина вся история с чемоданом из жёлтой кожи, можно видеть из следующей записи воспоминаний сестры Владимира Ильича — Анны Ильиничны: «В первое время в Петербурге во всех переговорах с товарищами, в обмене шифром с братом и в личных беседах с ним на свиданиях чемодан этот играл такую большую роль, что я отворачивалась от окон магазинов, где был выставлен этот настолько осатаневший мне предмет: видеть его не могла спокойно. Но хотя на него и намекали на первом допросе, концов с ним найдено не было».

Концов же полиции не удалось найти вот почему. На все вопросы следователя; куда девался чемодан жёлтой кожи, Владимир Ильич отвечал упорно, что он его оставил у родных в Москве. Тогда следователь вызвал Е. В. Сибирскую и начал выпытывать у неё, куда она девала чемодан

жёлтой кожи. Сибирская, делая удивлённое лицо, наивно спрашивала, о каком чемодане идёт речь.

— Вот как, — злорадно спросил следователь, — а что вы, барышня, скажете по поводу этого показания! — И подал ей секретное донесение Короткова и Цветкова, в котором сообщалось следующее: «30-го сентября 1895 года какая-то женщина, закутанная в башлык, получив от Ванеева и Митрофанова-Шемакова чемодан жёлтой кожи, села на извозчика и поехала на Васильевский остров. На Второй линии у дома № 39 эта женщина взяла чемодан, расплатилась с извозчиком, вошла во двор и о чём-то говорила с дворником, а затем удалилась в глубь двора».

— Позвольте, господин следователь, — ещё больше удивилась Сибирская, кончив читать донесение, — какое отношение имеет эта бумага ко мне?

— То есть как? — возмутился следователь. — Вы проживаете в доме тридцать девять по Второй линии Васильевского острова?

— Да, я проживаю. Но я никогда не куталась ни в какие башлыки и не носила никаких чемоданов жёлтой кожи. Вы можете об этом спросить у моей хозяйки, она это подтвердит. Это может также подтвердить дворник дома Данков.

— Ах так, ну что же, проверим, проверим, — проворчал

следователь и велел увести Сибирскую в камеру.

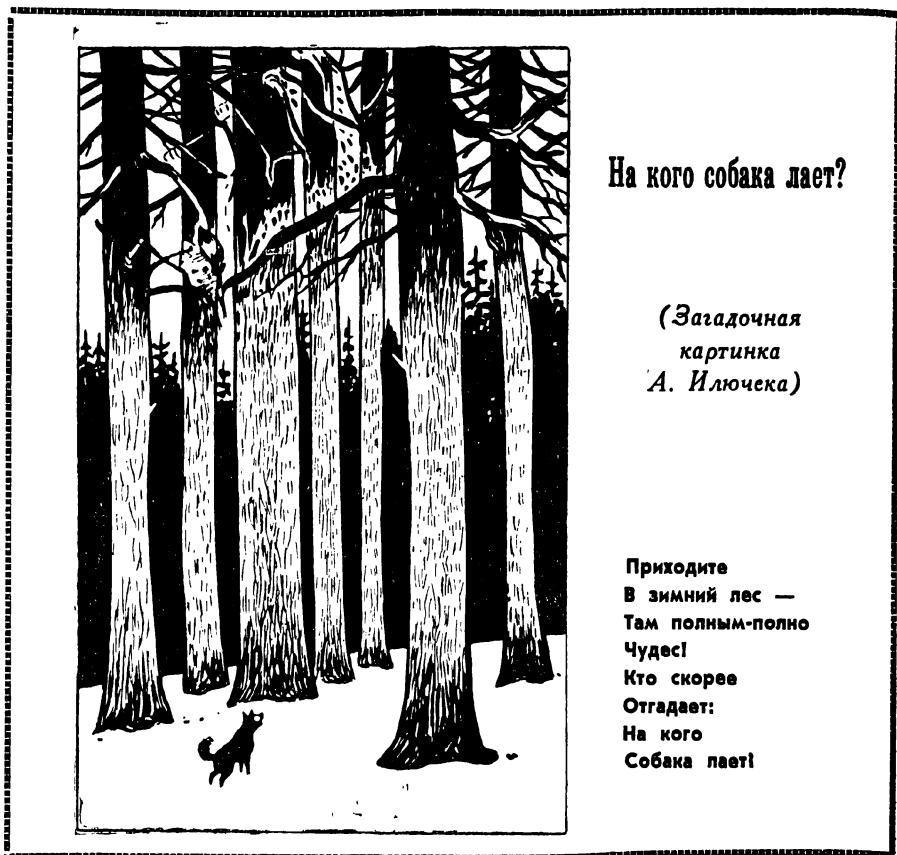
Вызванные к следователю агент Коротков и полицейский надзиратель Цветков были вынуждены написать новое показание, в котором между

прочим было сказано: «Подъехав к дому № 39 по 2-й линии Васильевского острова, она (т. е. женщина в башлыке) вошла с чемоданом во двор и о чём-то говорила с дворником; Коротков не спро-

сил затем этого дворника, кто была эта женщина, и лишь на другой день Цветков выяснил её личность, для чего расспрашивал дворника и, по его словам, пришёл к выводу, что это должно быть, была проживающая в этом доме Сибирская, хотя дворник и говорил ему, что последняя башлыка не носит. Дворник Данков и квартирохозяйка Сибирской — Анна Волкова удостоверяли, что Сибирская никакого чемодана

в означенное время не приносила, что башлыка у неё нет и что личность, привезшая этот чемодан, могла не проживать в их доме, т. к. двор в этом доме проходной».

Читая это донесение, директор департамента полиции яростно стукнул по столу: революционеры опять его перехитрили! Этому Ульянову удалось выбить из его рук очень важный козырь: дело о чемодане жёлтой кожи.

На кого собака лает?

(Загадочная
картинка
А. Илючка)

Приходите
В зимний лес —
Там полным-полно
Чудес!
Кто скорее
Отгадает:
На кого
Собака лает!

В музее

Нет никого уже в музее,
И ты стоишь совсем одна
В конце картинной галереи
У потемневшего окна.

Ночь за окном печально
стонет,
И даже звёзд на небе нет.
...Ты помнишь грубые

ладони
И дым солдатских сигарет?
Заснул на пепельном снегу
Малыш под грохот

канонады.
И ленинградская блокада
Стоит на невском берегу.
Мороз водил стеклянным

пальцем,
Рисую звёзды на стене.
Ты плакала над ватным
зайцем,
Прижавшись к маминой

спине.
Молчали скорбные руины,
Зенитки выли без конца,
И мать платком стирала

длинным
Слезу замёрзшую с лица...
А здесь в картинной

галерее,
Здесь всё совсем
как на войне:

Чернеют мокрые траншеи
На потемневшем полотне.
Тебе тревожно иногда
И ночью иногда не спится,
Но ты ведь веришь:

никогда
Война не смеет
повториться!

Наташа НАУМОВА,
8-й класс, 243-я школа

Самый красивый

В полдень почтальон принёс в класс письмо со странным адресом. Помимо названия села и школы на конверте было написано:

*«4-й класс «Б»
Вручить мальчику, который
самый красивый»*

Прежде чем отдать письмо старосте Володе Курбатову, почтальон пристально посмотрел на него и, уходя, заметил:

— Учти, письмо не для тебя. Его должен распечатать самый красивый адресат.

— Ладно. Поищем самого красивого...

Но определить, кто из нас самый красивый, оказалось настоящей головоломкой. Если бы письмо было адресовано красивой девочке, то тут и думать нечего. Зина Синицына давно бы уже распечатала конверт. Красивее её нет никого в классе. Так считают и все мальчишки и все девчонки. Наш учитель Александр Фёдорович тоже однажды сказал: «По виду своему ты, Зина, у нас самая красивая, а вот по знаниям — совсем не то. Ленишься».

Нина Никифорова считалась в классе самой рассудительной. Она прочитала книжек больше всех нас и обо

всём могла судить по-умному. Она наверняка сумела бы определить, кто из наших мальчишек красивее всех. Но Нина с прошлого года не учится в нашем классе. Вместе с родителями она уехала в другое село. Жаль, конечно. С её помощью было бы легче разрешить наш спор. Спрашивать же учителя неудобно. Ещё чего доброго решит, что мы думаем лишь о своей красоте, а об уроках забываем.

А мы об этом раньше вовсе и не думали. Жили, как все мальчишки живут, — обходились без разговоров о красоте. И вот теперь всех мучил один вопрос: кто из нас самый красивый? Я было хотел назвать себя, но вовремя спохватился: у меня на голове волосы ершом торчат. Сеня Куликов тоже чистосердечно признался:

— Нос у меня больно длинный. Не гожусь.

— Нос не главное, — серьёзным тоном сказал Володя Курбатов. — У тебя, Сенька, мускулы жидкие. Красивый человек должен быть сильным.

— И смелым, — уточнил я. — А Сенька тараканов боится. Тоже мне — красавец!

— Сам не лучше, — обиделся на меня Сенька. — На уроках книжки читаешь.

Мы стали придирчиво осматривать и обсуждать каждого из своих одноклассников. Один был признан слишком болтливым, у другого болячка на лице, у третьего — в табеле плохие отметки, у четвёртого — лоб низкий... Одним словом, настоящего красавца среди нас не нашлось.

Мы загоревали, что письмо останется нераспечатанным. Но что поделаешь — справедливость прежде всего!

Наш староста печально вздохнул, положил письмо на подоконник и дал нам совет:

— Пусть каждый ещё раз подумает о своей красоте. Кто почувствует, что в нём красоты больше, чем безобразия, тот и возьмёт письмо с подоконника.

Весь следующий урок мы сидели задумчивые.

Вдруг Петя Кулемин чему-

то обрадовался, толкнул меня в бок:

— Посмотри, Воробей, мне в глаза.

Я посмотрел и ничего не увидел.

— Ты как следует посмотри. У меня глаза красивые. Правда?

— Скажешь тоже! Глаза у тебя, как у совы. Круглые.

— Зато нос, как у моей бабки. Мама сказала, что бабка в молодости красавицей была.

— То бабка. У тебя должна быть своя красота, мужская. Понятно?

— А волосы? Знаешь, какие у меня волосы, — с кудряшками! Только жаль, летом отец их машинкой состригает...

— Подстригли тебя правильно. С кудряшками ты на барана похож.

— Я же сейчас без волос.

Значит, на барана не похож.
Я и есть самый красивый!

В перерыв Петя первым шагнул к подоконнику. Другие ребята ещё из-за парты не успели подняться, а он тут как тут. Схватил письмо — и бежать в коридор. Мы за ним:

— Верни, Петька, письмо!
Не то плохо будет!

Но он и слушать нас не захотел. Тут же распечатал конверт, пробежал глазами по строчкам и побледнел. Швырнул письмо на пол.

Мы подняли письмо. Староста Володя Курбатов зачитал его вслух:

«Здравствуй, зазнайка!

Много на свете я видела разных хвастунишек, но таких, как ты, не встречала.

Красив не тот человек, который сам заявляет об этом, а которого люди признают красивым.

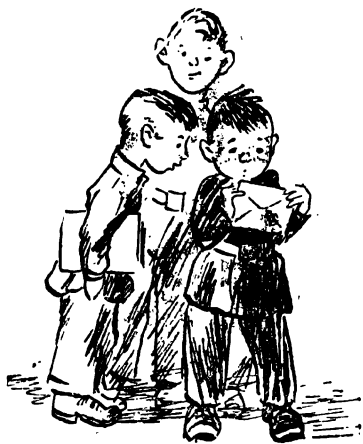
Не думай много о себе и не задирай нос выше неба.

С приветом!

Бывшая ученица вашего класса

Нина Никифорова

Р. С. Я почему-то уверена, что за это письмо ухватишься ты, Петя Кулемин. Неужели ошиблась?»

Победитель

Годы войны мы провели в Средней Азии. Эвакуация забросила нас в далёкий горный кишлак. Мне, мальчишке, в кишлаке понравилось. Я немедленно подружился с местными мальчишками и научился у них множеству чрезвычайно полезных вещей: становить на колени верблюда, лепить кизяки и нашлёпывать их для просушки на дувале, пронзительно свистеть без помощи пальцев и играть в альчики.

Спали мы, спасаясь от духоты, на плоской крыше мазанки и слушали, как по ночам плачут шакалы. Плакали они жуткими, захлебывающимися голосами; с непривычки становилось тоскливо и тревожно, и я долго не мог заснуть.

Одного из них я как-то видел. Шакал, буро-рыжего цвета, стоял настороженный, с его короткой тупой морды свисала густая слюна. Заметив меня, он шмыгнул в заросли карагача и скрылся.

Кроме нас, во дворе жила дюжина кур, петух и дворняжка Тяпа. Куры были все одинаковы: неповоротливые и робкие — несушки. Зато петух — огненный красавец — был созданием невероятно легкомысленным, капризным и вздорным.

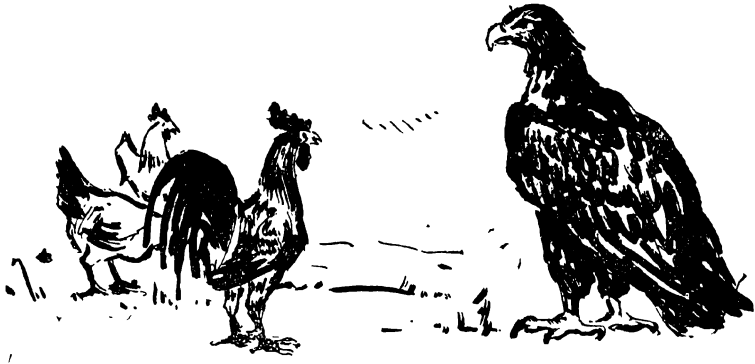

С Петей мы просто старались не связываться. Он это чувствовал и наглед.

Неожиданно безмятежность петушиного существования омрачилась.

Во время одного из наездов хозяин нашего дома старик Адильбеков привёз с собой орла со сломанным крылом. Петух невзлюбил орла с первого взгляда. Как натура мелкая и завистливая, Петя почувствовал в нём возможного соперника своему безграничному авторитету во дворе. Раньше на кур он не обращал никакого внимания, а теперь, когда куры нет-нет да и поглядывали на диковинную птицу, Петя страшно раздражался. Он нещадно бил хохлаток и искал случая поквитаться с орлом.

Орёл целыми днями недвижно сидел в тени орешника, нахохлившийся и отчуждённый, тяжёлый и непонятный.

Я пытался приручить его, как собаку. Я протягивал ему на ладони кусочек мяса и настаивал:

— Дай лапу!

Орёл брал мясо серым с чернотцей клювом, заглатывал его, не пережёвывая, и смотрел на меня жёлтыми, немигающими глазами: он не понимал, чего от него хотели.

— Дай лапу!

На его жёлтые глаза опустилась сизая плёнка век. Веки, лишённые ресниц. Орёл засыпал.

— Дай лапу!

Орёл открывал глаза и снова закрывал их. Ему было скучно со мной. И он не скрывал этого.

Недели через две крыло у него зажило, но он не улетел, он остался жить с нами. Может быть, он ждал хозяина?..

Когда орлу надоедала земля, он неумело подпрыгивал и взмахивал крыльями.

Взмах, ещё взмах — и в прозрачном небе повисла одинокая чёрная капля.

В это время Петя старательно скрёб землю, упорно стараясь не смотреть вверх. Если бы он мог, он бы, вероятно,

заплакал. Но петух не умел плакать, так же как не умел летать, и поэтому озлоблённо скрёб землю.

Впрочем, страдал он недолго... Разрывая землю, всегда можно найти червячка, Петя удовлетворённо кряхтел, и к нему возвращалось отличное настроение.

Я заходил в дом и выносил на раскрытой ладони кусочек мяса. Капля, падая, стремительно нарастала. Дворовый пёсик Тяпа, скуля, кидался в конуру.

Удивительно точно орёл, не задевая руки, схватывал мясо и уносился ввысь.

Я всё ещё не терял надежды приручить его.

А он уже опять висел неподвижной чёрной каплей.

Потом устало дремал в тени орешника.

Петух мелкими шажками незаметно подкрадывался к нему и норовил клюнуть в глаз.

Орёл неуклюже отскакивал. Петух победоносно хлопал крыльями и громко ликовал:

— Ку-ка-ре-ку!

Куры поддакивали:

— Ко-ко! Ко-ко!

Огненный петух подбегал ко мне и больно клевал в ногу. Его боялись! И он хотел, чтобы об этом знали все. Я выносил ему хлебные крошки. Петя торопливо хватал их — ему было некогда — и ободрённый успехом бросался на орла. Орёл лениво взмахивал крыльями и садился на дувал.

Петя с разбегу останавливался и гневно косил глазом. Он пытался заскочить на дувал и срывался, царапая когтями глину. Наконец, после второй и третьей попытки, ему это удавалось. Он шёл на орла, устрашающе похлопывая пёстрыми крыльями.

Орёл так же лениво садился на вершину орешника, явно уклоняясь от боя.

Здесь он был недосыгаем. Петух понимал это. Он спрыгивал вниз и срывал злость на курах.

Хохлатки приниженно ворковали:

— Ко-ко! Ко-ко!

Орёл был далеко, а петух близко.

Петя приспускал пламенное крыло и описывал по земле круг победы, затем подбегал к крыльцу и нахально требовал крошек.

Ел он жадно, не подпуская к себе кур. Наиболее неосторожных он клевал и даже лягал ногами.

В эти минуты он был хошо — высокомерный, могущественный.

...Случилось это вскоре после очередной стычки.

В тот день Петины дела не ладились с самого утра. Нача-

лось с того, что он проспал побудку — явление безусловно неслыханное. Он бродил по двору хмурый и ко всем придирался.

Умная Тяпа, позавтракав, скрылась в неведомом направлении, подальше от греха.

Петя несколько раз сзывал кур, пружинно выгибал шею и пытался протрубить своё «ку-

ка-ре-ку». Но голос у него срывался и получалось невнятное хрипение.

Я не выдержал и громко рассмеялся.

Вне себя петух подбежал ко мне и изо всех сил ударил клювом. Я продолжал смеяться, и петух иступленно колотил меня.

Тогда-то и появился шакал, тот самый — рыжий, со слюнявой мордой.

Нагло ватозыркнув по сторонам, он устремился к курам.

Куры шарахнулись, и впереди всех, как и подобает полководцу, дёргая головой, бежал петух.

То ли от страха, то ли по другим причинам, он выронил из хвоста несколько неповторимо роскошных перьев.

Я растерялся, а время исчислялось мгновениями.

Шакал уже настигал его...

И вот тогда я впервые увидел орла в деле. Вот тогда я и понял, что мне никогда не

удастся приучить его подавать по-собачьи лапу.

Его огромные распластанные крылья на миг заслонили солнце. Во дворе сразу стемнело, как во время солнечного затмения.

Его огромные распластанные крылья опустились, накрыли шакала и рванули вверх, унося захлёбывающийся визг.

Визг затухал, становился невнятной — и в небе повисла одинокая чёрная капля.

Вдруг капля раздвоилась: орёл разжал когти...

Ленинградская викторина

ВЫ ЗАМЕЧАЛИ, что гости нашего города всегда очень спешат? Им надо успеть побывать в Эрмитаже и в Русском музее, посетить театры и съездить в Петродворец, а главное — осмотреть сам город: его улицы и проспекты, сады, стадионы, памятники, Неву!.. И сколько бы у них ни было часов на осмотр Ленинграда — всё равно времени никогда не хватает: очень уж велик и интересен наш город! Многие страницы русской истории связаны с его площадями, бульварами, зданиями. Отблески пламени трёх революций, героической обороны в годы Великой Отечественной войны озаряют его и сегодня.

Ну, а вы, юные ленинградцы, знаете свой город? Наверное, знаете. Но кто лучше? Чтобы ответить на этот вопрос, мы и предлагаем вам «Ленинградскую викторину».

Снимки, которые вы видите на 2-й и 3-й страницах обложки, сделаны хитро: на иных даже хорошо знакомые здания узнаёшь не сразу. О каждом снимке мы и сами кое-что расскажем, а дальше — вам слово! Вспоминайте, чего не знаете, ищите в книгах о Ленинграде и присылайте нам ответ. Трёх лучшим знатокам нашего города будут вручены памятные подарки.

Итак, снимок № 1.

...Ещё Петром I здесь была построена судостроительная верфь. В конце 1705 года вокруг неё соорудили земляные валы, а на них — бастионы с орудиями. Кроме того, это место было опоясано каналами. Опасаясь вражеского нападения, царь приказал создать здесь вторую крепость. Позже здесь выросло прекрасное здание, рядом зашумел ветвями деревьев сад, раскинулась площадь. Что же это за здание? Какой архитектор его построил? С какими революционными событиями связан этот уголок нашего города? И кстати — что это за арка, через которую сделан снимок здания и сада? Ворота это или парадный подъезд? Кто зодчий?

А теперь посмотрим снимок № 2.

В 1916 году Петроградское военное кавалерийское училище праздновало своё столетие. В связи с этой датой был организован сбор пожертвований на сооружение памятника. Его проектирование и постройку поручили сыну известного ваятеля — автора памятника, что стоит в сквере у театра драмы имени А. С. Пушкина. Кому воздвигли памятник, вы, конечно, уже догадались по снимку — великому русскому поэту М. Ю. Лермонтову. Но ведь юбилей-то был кавалерийского училища! При чём же здесь Лермонтов? И кто же автор памятника?

Снимок № 3 вызывает мало вопросов, только один: откуда велась съёмка, где это окно?

Снимок № 4 сделан вовсе не в знойном Самарканде. Хотя мечеть с двумя высокими минаретами как две капли воды напоминает знаменитую мечеть Таворлана — всё же она не в Средней Азии, а у нас. Но где? Когда и кем построена?

А на снимке № 5 — дворец. В этом году исполняется 145 лет со дня окончания его постройки. Его зодчий — коренной житель нашего города. Здесь он родился в 1755 году, здесь им созданы его лучшие архитектурные творения, здесь же он умер в 1849 году. Кто же этот зодчий? Что он построил в нашем городе? Как называется дворец на этом снимке, где он находится?

Крылатые львы-грифоны на снимке № 6 украшают мост через канал, который был когда-то притоком Фонтанки и за свою кривизну и извилистость назывался Кривушами. А как теперь называются этот канал и мост?

Снимок № 7 изображает один из старых уголков нашего города. Архитектор Савва Иванович Чеванкинский построил эту колокольню и Никольский морской собор. Он руководил многими архитектурными работами и в том числе перестройкой Кунсткамеры. Сохранилось в Ленинграде ещё одно известное здание, построенное по его проекту. Где оно и что в нём находится?

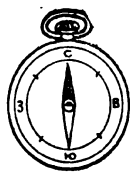
О последнем снимке № 8 рассказывать мы ничего не будем. Где находятся эти ворота? Что находится за ними? Кто их зодчий? Всё это предстоит узнать вам самим.

Ответы присылайте нам по адресу: Ленинград, Центр, Фонтанка, 57. «Искорна». Не забудьте написать свой обратный адрес, а также указать школу, в которой учитесь, и класс.

Ведёт викторину А. ПАВЛОВ

Фотографии Ф. Фомина-Ромасевича на 2-й и 3-й страницах обложки.

Пётр и Заметки

Как развлекались прабабушки

Вот и наступила долгожданная зима. Сколько развлечений несёт она! Зимние игры на воздухе, лыжи, катанье на коньках, санках... да всего и не перечислишь.

Эти зимние народные гулянья имеют и свою историю. В старину они назывались гульбищами. Как же развлекались твои прабабушки и прадедушки в прошлых столетиях?

В старом Петербурге это происходило, например, так. Прямо на льду Невы сооружались огромные ледяные горы, вокруг них вырастали балаганы, появлялись ряженые, вожаки медведей, шла бойкая торговля сладостями. Уж в середи-

не XVIII века во время зимних гуляний начали устраиваться театрализованные представления. В историю вошёл знаменитый «ледяной дом», построенный зимой 1740 года между нынешним Зимним дворцом и Адмиралтейством. Дом был сделан из плит чистого льда. В этом доме и возле него устраивались пышные маскарады и народные гулянья. На одно из них, например, в столицу были вызваны по два человека обоёго пола от всех племён и народов, населявших Россию. Таких пар, одетых в национальные костюмы, собралось более 150. Не меньшее удивление вызывали два стража у ворот

ледяного дворца — ледяные дельфины. Из пасти каждого из них была горящая нефть. «Ледяной дом» действовал даже на воображение иностранцев, которым довелось его увидеть. Один из них — немец Георг Крафт — написал даже книгу под названием «Подлинное и обстоятельное описание построенного в Петербурге Ледяного дома».

Однако массовые народные гулянья прямо на льду Невы даже при стойких морозах оказались небезопасными, и центром зимних развлечений становится Адмиралтейская площадь. Здесь вырастали десятки балаганов, некоторые из них были под стать те-

атрам, вмещающая до тысячи человек. В них разыгрывались различные пантомимы, которые повторялись до 10—12 раз в день.

В 1872 году балаганы переносятся подалее от Зимнего дворца — на Марсово поле. Увеселения оста-

ются примерно те же, но начинают носить уже более серьёзный характер. Появляются инсценировки произведений Пушкина, Гоголя.

В конце XIX века царское правительство начинает смотреть на народные гулянья всё

более недоброжелательно, и место зимних гуляний было перенесено на малоудобный для этих целей Семёновский плац (за нынешним Витебским вокзалом). Здесь балаганы просуществовали лишь одну зиму.

...в 1960 году на иностранные языки переведено 5507 книг русских и советских авторов? Советский Союз стоит на первом месте по количеству переведённых книг за рубежом.

...в нашей стране на одного читателя приходится почти в три раза больше книг, чем во всех остальных странах мира? Книжки и журналы издаются у нас на 89 языках народов Советского Союза и на 47 иностранных языках.

...в сокровищницах нашей Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится свыше 300000 редких рукописей? Греческие, латинские, арабские, персидские, китайские — на 50 языках мира! Но основное богатство — русские и славянские рукописи. Древнейшая из них — «Остромирово евангелие». Написано оно в 1057 году.

...в нашей стране построено две тысячи крупных стадионов, 782 плавательных бассейна, 9500 спортивных залов, около 300000 футбольных полей, баскетбольных и волейбольных площадок? Подсчёты показывают, что у нас могут заниматься спортом 75 миллионов человек одновременно.

Знаешь ли ты, что?

...муравьи имеют самые различные, а подчас и необычные «профессии»? Так у «медовых муравьёв» часть насекомых выполняет роль... бочёнков для хранения сладкой медовой жид-

кости. Рабочие муравьи добывают эту жидкость из наростов на дубовых листьях. Часть её идёт муравьям в пищу, а всё остальное — «муравьям-бочёнкам». Живые бочёнки подвешиваются, уцепившись лапками за потолок их камер — «склада». В случае надобности они выдают этот «запас» другим муравьям.

...слово «Антарктика» состоит из двух слов? «Анти» — означает «против», «арнос» — «медведь». Получается: страна, лежащая на противоположном конце земли от созвездия Большой Медведицы, то есть на юге.

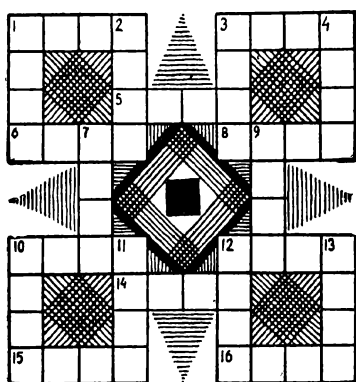
...первая в мире карта побережья северной тихоокеанской части Америки принадлежит русскому мореплавателю А. И. Чиринову?

...первая почтовая печать была поставлена в Англии в 1661 году? Она означала, что доставка письма оплачена. Через сто с лишним лет почтовые печати появились и в России. До наших дней дошёл оттиск штампа с надписью: «С-Петербург. 1788 г. 3 апреля».

...толщина земной коры различна? Под океаном она составляет около 6 километров, а под материками от 20 до 70 километров.

ИЗ ПРОШЛОГО НАШЕЙ РОДИНЫ

(Кроссворд составил Витя Галкин)

По горизонтали. 1. Ништадтский мирный договор России со Швецией. 3. Окончание путешествия Витуса Беринга. 5. Битва при Гангуте. 6. Бородинская битва. 8. Народное восстание во Владимиро-Суздальском княжестве. 10. Открытие первой в России железной дороги между Петербургом и Москвой. 12. Начало похода Ермака в Сибирь. 14. Начало крестьянской войны под предводительством И. Болотникова. 15. Великая Октябрьская социалистическая рево-

люция. 16. Разгром немецких рыцарей на Чудском озере.

По вертикали. 1. Возникновение Северного и Южного тайных обществ декабристов. 2. Освобождение Москвы ополчением Минина и Пожарского. 3. Начало Великой Отечественной войны против гитлеровских захватчиков. 4. Напечатание И. Федоровым первой книги в России. 7. Основание Московского университета. 9. Восстание декабристов на Сенатской площади в Петербурге. 10. «Крестьянская реформа», начало капитализма в России. 11. Первое упоминание в летописи о Москве. 12. Окончание крестьянской войны под предводительством Степана Разина. 13. Начало царствования Петра Первого.

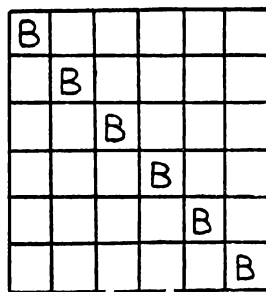

БУКВЕННАЯ ЗАДАЧА

(Составила Валя Федотова, 34-я школа)

Впишите в горизонтальные ряды шесть слов, сохранив при этом уже проставленную букву «В».

Все ваши слова должны быть именами существительными в единственном числе.

РЕБУС

А ты, читатель,
дорожишь?..
Дружишь?..

ХОДОМ КОНЯ

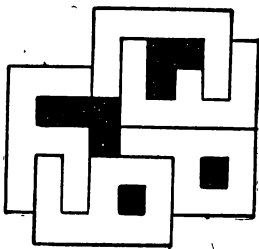
(Составил Витя Шестаков)

Т	Ы	Р	Ч	Г
У	Ш	С	В	У
Х	А	Х	Д	У
Е	Г	О	В	Ы
Р	Д	Н	Л	Й

Начиная с отмеченной клетки, обойдите ходом коня все клетки фигуры, не пропустив ни одной и нигде не побывав дважды, причем так, чтобы вам удалось прочесть пословицу.

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЗАДАЧА

(Составила Наташа Носкова,
247-я школа)

Разделите эту фигуру на пять букв, из которых можно было бы сложить название занимательной задачи, в которой текст зашифрован с помощью рисунков различных предметов.

АРИФМЕТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

(Составил Я. Алексеев)

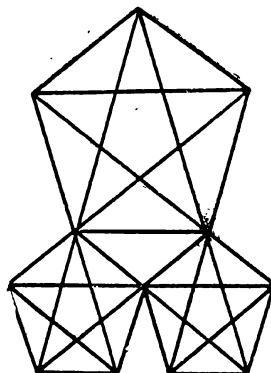
Ученикам было дано на дом задание, в котором требовалось к данному двузначному числу прибавить 5 и полученную сумму разделить на 7.

Один ученик перепутал задание и сделал наоборот, т. е. от данного двузначного числа отнял 7, а полученную разность разделил на 5.

Но оказалось, что конечный результат подсчёта у него получился такой же, как при правильном решении задачи. Как велико было данное двузначное число?

ОДНИМ РОСЧЕРКОМ

(Составил Лёня Матвеев. Волосово)

Нарисуйте эту фигуру одним росчерком — не отрывая карандаша, не проходя нигде дважды и не пересекая уже проведённых линий.

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 12)

КРОССВОРД

По горизонтали. 2. Ель. 5. Испания. 8. Звено. 9. Город. 12. Курок. 13. Фокус. 16. Судак. 17. Васня. 19. Коломбо. 20. Маг.

По вертикали. 1. Алмаз. 3. Осина. 4. Лимон. 6. Автобус. 7. Колонна. 10. Жук. 11. Бут. 14. Забор. 15. Самбо. 18. Томат.

ЛОГОГРИФ

Мяч — меч — мел — мол — гол.
(Возможны иные решения).

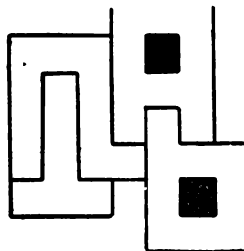
ГОВОРЯЩИЕ КАРТИНКИ

Своим умом живи, а добрым советом не пренебрегай.

РЕБУС-ПРИБАУТКА

«За вкус не берусь, а уж горячо будет!..»

СЛОЖИТЕ ФАМИЛИЮ

Решение смотрите на рисунке.

СОДЕРЖАНИЕ

Весёлый праздник. Стихотворение В. Фетисова	1
Три рассказа о маленьких. Н. Слепаковой.	2
Три стихотворения о взрослых. И. Курлата.	9
Редкая ваза. Рассказ А. Беляковой.	13
На снежной горушке. Рисунки и стихи В. Гусева.	22
Взрывы на уроках. Повесть И. Ефимова.	23
На лыжах. Стихотворение И. Дворкина.	41
Чемодан из жёлтой кожи. Очерк Г. Дейча.	42
Творчество юных.	50
Самый красивый. Рассказ В. Разумневича.	52
Победитель. Рассказ Г. Шахновича.	55
Ленинградская викторина.	59
Пёстрые заметки	60
Клуб смекалистых ребят	62

На 1-й странице обложки — рисунок художника К. Бекташева «Из-за укрытия».

На 2-й и 3-й страницах обложки — фотоснимки «Ленинградская викторина».

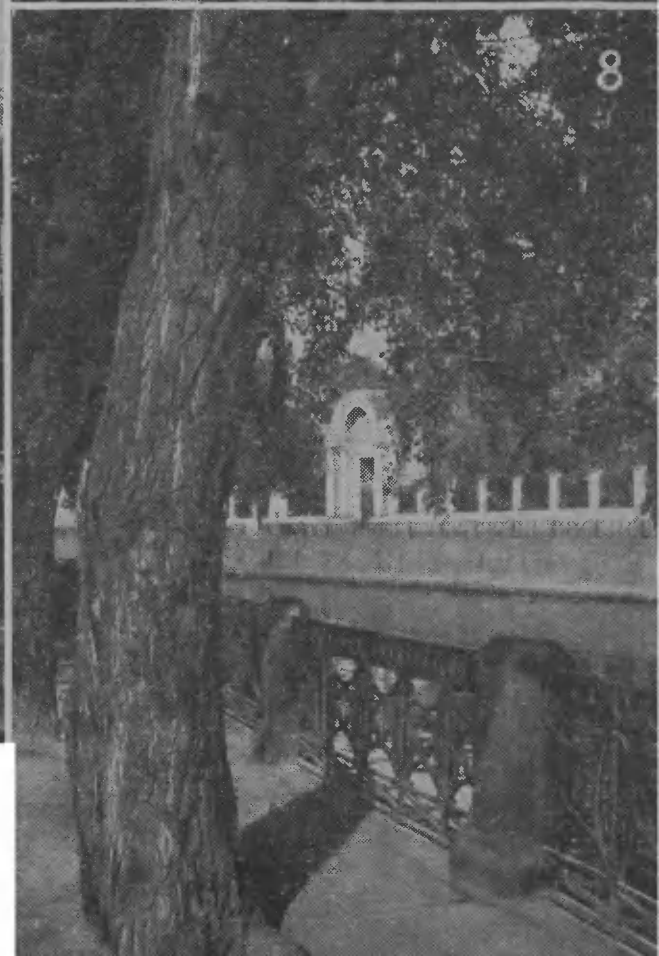
На 4-й странице обложки — рисунок художника Г. Ясинского «Птичья столовая».

Редактор **А. А. БЕЛЯКОВА**

Адрес редакции: Ленинград, Центр. Фонтанка, 57 (вход с Торгового пер., 1)
Телефон А 4-54-90

Сдано в набор 27/XI 1962 г. Подписано к печати 18/I 1963 г. 4 печ. листа
М-21218. Заказ № 1853. Формат бумаги 70 × 108^{1/16}. Цена 10 коп. Тираж 75 000.

Типография имени Володарского Лениздата. Ленинград, Фонтанка, 57

Ленинградская викторина

(Текст смотри на 59-й странице)

Цена 10 коп.

